

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
УРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХІІ.

1884.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъячская, № 1.
1884.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряженія 1

В. О. Миллеръ. Къ вопросу о славянской азбукѣ (съ таблицей) 1

Н. В. Бударцевъ. Русская Лапландія. I—II. 36

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Д. Рязскій. Славянское церковное пѣніе въ латинской обработкѣ 72

И. В. Помяловскій. Реальный словарь классической древности Любкера въ русскомъ переводѣ 119

И. И. В. Наши педагогическіе вопросы. Вар. К. Корфа. М. 1882. 144

А. С. Вудиловицъ. Маріинское Четвероевангеліе. Трудъ В. Явича. С.-Пб. 1883 152

— Учено-литературныя новости по древне-классической филологіи 169

Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Забѣтки о ореднихъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи. I—II 1

— Наша учебная литература (разборъ 19 книгъ) 23

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Публичная Библіотека въ 1882 году 1

— Курляндское общество литературы и искусствъ 18

Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа 20

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Th. Stollusky. De lege Antimachea scaenica. 1

И. И. Холоднякъ. Elogia Scipionum, какъ матеріалъ для изученія архаической латини 26

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го марта).

РУССКАЯ ЛАПЛАНДІЯ:

I.

До Зашейка.

На самомъ сѣверѣ Кандаляшской губы Бѣлаго моря расположена деревня Кандалякша. Она лежитъ при устьи рѣки Нивы, среди высокихъ горъ, изъ которыхъ Желѣзная Тундра поднимается на высоту 900'. Другія горы мало уступаютъ ей въ высотѣ, какъ напримеръ, Волостная Тундра, Крестовая, Плѣсовая и др. Кандалякшапе занимаются исключительно рыбнымъ промысломъ—ловомъ сельдей, семги, да еще бьютъ бѣлухъ (дельфиновъ), нерпцъ или морскихъ зайцевъ и т. п. Какъ только вы ступаете на Кандаляшскій берегъ, такъ тотчасъ убѣждается, что громадную долю въ доходахъ Кандалякшанъ занимаетъ треска, въ присутствіи которой убѣждаетъ насъ обоняніе: зловоніе удушаетъ васъ въ теченіе первыхъ минутъ.

Въ знойный день 14-го іюля 1880 года вышла изъ Кандалякши „по тракту“ небольшая группа людей, состоявшая изъ двухъ молодыхъ естествоиспытателей, двухъ постоянныхъ ихъ работниковъ и восьми человѣкъ посыльщиковъ. Однимъ изъ первыхъ былъ авторъ этой статьи. Не смотря на трудности пути, тяжести, которыя необходимо было взять съ собою, двадцатичетырехверстный переходъ и жару (въ тѣни было 17,5°), мы шли пѣшкомъ. Причиной того было отсутствіе средствъ сообщенія.

По всему западному Бѣломорью главнымъ способомъ перемѣщенія служить „бабья почта“, то-есть, ѣзда на „карбасахъ“ (лодкахъ), на которыхъ гребцами бываютъ всегда женщины. Береговыхъ дорогъ

совершенно нѣтъ. Поэтому лошадей здѣсь можно видѣть только какъ рѣдкость; такъ, напримѣръ, въ Кандалакнѣ мѣстный купецъ Навковъ-Жидкихъ держитъ одну лошадь, на которой никогда не ѣздитъ. Оленей, лѣтомъ угоняютъ за нѣсколько сотъ верстъ, къ границамъ Финляндіи, а къ зимѣ приводятъ обратно и ѣздятъ на нихъ по снѣжному пути закладывая по одиночкѣ въ санѣ. Рѣка Пива, берущая начало въ озерѣ Пмандрѣ, на высотѣ 110—130 метровъ, и впадающая у самой Кандалакши въ Вѣлое море, представляетъ собою бурный потокъ, съ уклономъ русла въ 22 раза болѣе крутымъ, чѣмъ въ Невѣ. Поэтому ѣзда на лодкѣ не мыслима. А между тѣмъ предстояло проходить черезъ безлюдныя скалистыя пространства, гдѣ нельзя будетъ достать куска черстватаго хлѣба. Приходилось позаботиться обо всемъ; все взять съ собою. Дѣло усложнялось еще слѣдующими обстоятельствами. Первый переходъ въ 24 версты можно было пройти въ одинъ день: стоило только взять лишніе носильщиковъ; унести всю пошу было возможно. Но далѣе слѣдовали озера, на которыхъ имѣлось только по два небольшіхъ карбаса, способныхъ поднять четырехъ челоекъ съ пошей и двухъ гребцовъ. Почтарями на каждой станціи жили обязательно только два Лопара, слѣдовательно, дальнѣйшая переправка тяжестей возможна была только въ предѣлѣ четырехъ *ташекъ* (ношъ). Въ виду такихъ соображеній пришлось бросить въ Кандалакнѣ заготовленную провизію и большую часть вещей и взять съ собою только самое необходимое—теплую одежду, оружіе, инструменты и т. п. да запасъ черныхъ сухарей въ два пуда. Эти сухари, вмѣстѣ съ чаемъ, составляли нашу пищу во время перехода отъ Кандалакши на Колу. Путь имѣетъ названіе „тракта“, такъ какъ лѣтомъ здѣсь ходитъ почта. Длина ея болѣе 200 верстъ.

Первый переходъ въ 12 верстъ. Впереди выступали наши носильщики съ тапками, сзади—мы съ работниками. Было 14-е іюля. День былъ жаркій. Солнце пекло во всю силу. Лучи его, накаляя каменистый грунтъ, усыпанный крупнымъ пескомъ, гравіемъ, отражались съ тѣмъ болѣе знойною силой. Въ тѣни было 17° Цельсія. Кромѣ необходимыхъ инструментовъ для научныхъ наблюденій, оружія, письменныхъ принадлежностей и альбомовъ, приходилось на себѣ нести и теплое платье, которое должно было пригодиться въ этотъ же вечеръ. На мнѣ было грузу болѣе пуда, и все это было навьючено сверхъ толстаго теплаго пальто, такъ что вплотную прижимало его къ тѣлу со всѣхъ сторонъ. Жара поэтому была подавляющая.

Каждый изъ насъ представлялъ странную фигуру. На головѣ,

сверхъ шляпы съ широкими полями, надѣтъ комарникъ, то-есть, чехоль изъ грубой матеріи марли, съ небольшими отверстіями въ сѣткѣ, да и то закрахмаленными. Концы этого комарики наглухо заправлены подъ воротникъ пальто, также застегнутое на всѣ пуговицы. Высокіе сапоги, рязецъ за спиной, нагруженный книгами, тетрадями и альбомами. Ремни отъ ранца, перекрещиваясь на груди, стѣсняютъ дыханіе. Сбоку ножъ, барометръ, термометръ, требующіе крайней осторожности движенія, и слѣдовательно, также стѣсняющіе. Въ карманѣ револьверъ. У моего спутника три ружья, со всѣми принадлежностями. При жарѣ насъ еще мучила духота подъ сѣтками изъ плотной марли. Изрѣдка приходилось снимать сѣтку, чтобъ отдышаться свободно. Но за то въ это самое время насъ свободно донимали комары, которые громаднымъ роемъ вились надъ нашими головами. Тому, кто не бывалъ на сѣверѣ, то-есть, въ сѣверной части Олонецкой губерніи и дальше, а тѣмъ болѣе среди лапландскихъ болотъ, не возможно себѣ даже представить до какой степени изнеможенія, до какого отчаянія могутъ довести эти маленькія, ничтожныя тваря.

Начало пути очень заманчиво. Представьте себѣ, что, переваливъ чрезъ небольшой холмъ, или вѣрнѣе, каменистую гряду, сложенную изъ отдѣльныхъ валуновъ, и пройди около полуверсты отъ села прямо къ сѣверу, вы подходите къ сосновому лѣсу, а далѣе ведетъ по самому берегу Нивы тѣнистая аллея. Дѣйствительно подъ громкимъ названіемъ тракта, здѣсь слыветъ небольшая тропинка, не шире одного, мѣстами полутора, аршина. По ней передвигается пѣшая почта, путешественники, Лопари, купцы, чиновники, однимъ словомъ— всѣ. Вотъ этотъ путь я и опишу.

И такъ, вы углубляетесь въ лѣсъ по аршинной тропинкѣ, въ началѣ очень ровной, укатанной, или вѣрнѣе, утопанной. Она плотно усыпана довольно крупнымъ пескомъ, хорошо слежавшимся. Поэтому ходьба легкая и удобная. Лѣсъ здѣсь довольно ровный и рѣдкій; преимущественно сосны, березы, ольхи, ершикъ и проч. Благодаря преобладанію ровныхъ сосновыхъ стволовъ, пѣжной листвѣ березъ и однообразному сѣроватозеленому колориту подстилающей моховой листвы, лѣсъ производитъ пріятное впечатлѣніе, чего-то слегка запущеннаго: нѣчто въ родѣ стараго парка.

Сначала тропинка идетъ по самому берегу рѣки. Рѣка Нива здѣсь стелется у васъ подъ ногами, мѣстами на 5, а гдѣ и на 8 сажень. Отвѣсно поднимаются песчаные берега, въ которыхъ, кромѣ безчисленнаго количества голышей, видны громадины, включенныя въ нихъ

валуны, преимущественно красного или сѣраго цвѣта. Это крупныя глыбы гнейса или граунта, отчасти округленныя или обкатанныя, болѣею же частью сильно угловатые. Эти же каменные глыбы, эти громадныя валуны, достигающіе до 1 сажени въ поперечникѣ, а мѣстами и болѣе, выстилаютъ въ громадномъ количествѣ все русло Нивы. По нимъ бѣшено несется этотъ горный потокъ, этотъ не угомонившійся въ своемъ неистовомъ порывѣ вихрь пѣны, силы, рева, скачущихъ волнъ, громадной массы воды, которая дѣлала бы здѣсь чудеса, еслибы вздумали утилизировать ея силу. Выпесо налетаетъ громадный потокъ на выдающійся валунъ, съ ревомъ разбивается онъ въ дребезги, отхлынетъ назадъ, взметитъ взметнувшуюся водяною завѣсой наверхъ, разлетится тамъ въ массу брызгъ и пѣны, которая краснымъ бѣлымъ фонтаномъ иногда на сажень поднимается надъ русломъ рѣки, раздается потомъ на двѣ боковыя струи, и снова закрутившись, завертѣвшись въ неистовомъ спорѣ волнъ и пѣны, летитъ до слѣдующаго валуна, гдѣ опять съ ревомъ нахлынетъ на него, взметнется фонтаномъ кверху, область все кругомъ бѣлою пѣной и снова несется дальше.... Не смотря на страшную скорость, съ которою несется этотъ бурный горный потокъ, имѣющій скромное названіе „рѣки Нивы“, не смотря на громадную опасность, представляющуюся здѣсь на каждомъ шагѣ въ видѣ ли валуна обдаваемого фонтаномъ пѣны, или пучины, въ которой съ ревомъ закрутились столкнувшіяся со всѣхъ сторонъ бѣшенныя волны, не смотря на все это,—все-таки находятся смѣльчаки Лопари, которые рѣшаются спускаться по Нивѣ. И еслибъ еще это была минутная безумная отвага, бравада—рисковать спуститься по сильной струѣ водоската; но нѣтъ, это рискъ на 33 версты, изъ которыхъ только 9 верстъ рѣка течетъ спокойно. И не смотря на то, что почти ежегодно гибнуть лучшіе представители этихъ смѣльчаковъ, все-таки черезъ каждыя двѣ недѣли предпринимается новая поѣздка съ Имандры въ Кандалакшу.

Тропика тянется вдоль рѣки не болѣе трехъ или четырехъ верстъ, и только на этомъ именно протяженіи она представляетъ вышеописанныя удобства. Затѣмъ она сворачиваетъ влѣво, то-есть, къ западу, и далеко уклонится отъ главнаго направленія рѣки. По мѣрѣ удаленія отъ рѣки, исчезаетъ и сравнительная ровность мѣстности. Приходится то подниматься, въ гору, на вараки, по довольно крутымъ подъемамъ. Вараками здѣсь называются горы такой вышины, которыхъ вершины покрыты еще лѣсомъ; тѣ горы, которыхъ вершины поднимаются выше предѣловъ распространенія лѣсной расти-

тельности, носятъ названіе тундръ. Такъ какъ всѣ эти горы, и вараки и тундры, или прямо сложены изъ массы крупныхъ валуновъ, или состоятъ изъ матерой горнокаменной породы, которая сверху на большую толщину покрыта ледниковымъ наносомъ, обильно наполненнымъ такими крупными валунами, то вполне понятна и зависимость между неровностью мѣстности и обиліемъ крупныхъ валуновъ. И дѣйствительно, сперва на берегу Нивы мы почти не встрѣчаемъ такихъ валуновъ на поверхности земли. Они залегаютъ на глубинѣ. Сверху же они занесены толстымъ слоемъ крупнаго песка, что доказываетъ, съ другой стороны, что здѣсь была широкая и высокая долина; такъ какъ такая разсортровка могла произойти только при содѣйствіи перемывающаго дѣйствія воды, то мы смѣло можемъ сказать, что тамъ, гдѣ теперь бѣшено несетъ Нива, въ давнія доисторическія времена былъ спокойный широкій водный проливъ, и притомъ, какъ мы увидимъ далѣе—морской.

Все уже и уже становится тропинка, по мѣрѣ того какъ приходится все выше взбираться на крутизны варакъ. Крупный гравій и песокъ, выравнивавшіе неровности валуновъ, наполнявшіе ихъ промежутки, здѣсь вымыты и смыты, унесены водой внизъ. Тонкій моховой покровъ, убогимъ сѣроватымъ ковромъстилающій всѣ эти валуны, грудями нагроможденные одинъ на другой, точно на смѣхъ накинутъ здѣсь для того, чтобы затруднить путь. Тропинка становится не шире полуаршина, а мѣстами едва можно поставить, среди торчащихъ острыхъ валуновъ, двѣ ступни, такъ что единственной возможностью продолжать путь заключается въ томъ, чтобы, пользуясь валунами, какъ лѣстницей, шагать съ одного на другой. Хорошо еще—если они голые, но случись моховой покровъ, и вы проваливаетесь и оступаетесь на каждомъ шагу. Но вотъ, наконецъ вы взобрались на вершину первой Осиповой вараки. Почему она названа Осиповой я не знаю; осинъ здѣсь я искалъ и слѣдилъ за ними по пути, но ни одной не нашель. Въ началѣ пути, около Кадалакиши, оги еще попадаются. Здѣсь разстилается все такой же однообразный лѣсъ, какъ и ранѣе: преимущественно береза, сосна, ель, изрѣдка рябина, ольха. Далѣе путь опять улучшается, дорожка становится шире, ровнѣе. Но пройдя съ полверсты, приходится снова спускаться. Опять крутой склонъ вараки весь усыпанъ неровными валунами. Довольно долго приходится идти по гористой мѣстности и наконецъ спускаться въ узкую низменную долину, покрытую торфяниковымъ болотомъ. Черезъ него переброшены дряхлые мостки, проложенные

по шпаламъ. Такія мѣста называются вообще тайболой. Та тайбола, о которой я говорю, носитъ названіе Заборной тайболы; за нею слѣдуетъ Заборная варака. Это самый высокій пунктъ, на который приходится подниматься на пути между Кандалакшей и Имандрой. Высота ея равна 148 метрамъ (то-есть, 72 сажени). Подъемъ на эту вараку сначала, отъ тайболы, очень крутъ, затѣмъ становится все отложе, и вы постепенно поднимаетесь на большую высоту. Путь здѣсь гораздо ровнѣе. Длинною веревницей танулась наша процессія по извилистой тропинкѣ. Далеко впереди шелъ приземистый, широкоплечій Лопарь Ларивонъ, предводитель всѣхъ Лопарей. Умный, хитрый мужикъ, онъ пользовался какимъ-то особеннымъ значеніемъ среди своихъ товарищей. Это самый ловкій и дерзкій смѣльчакъ, удалый кормчій, спускающійся два раза ежемѣсячно по Нивѣ къ Кандалакшу. Ларивонъ, маленькій, широкоплечій съ большою головою, черными какъ смоль, курчавыми, въ кольца завитыми всегда лохматыми волосами, ястребинымъ, слегка приплюснутымъ носомъ и рѣдвѣнкою бороденкой и усами, съ широкимъ, длиннымъ туловищемъ на короткихъ кривыхъ ногахъ, при каждомъ шагѣ перекачивавшійся съ боку на бокъ, производилъ бы казалось смѣшное впечатлѣніе. Нѣтъ! Далеко не то. Напротивъ, онъ такъ гордо закидывалъ голову, такъ самоувѣренно ступалъ, изрѣдка бросая назадъ черезъ плечо ястребиные взгляды, что положительно производилъ впечатлѣніе начальника отряда. За нимъ шла колоссальная фигура Данилки Медвѣдя, добродушнаго Лопара съ широкимъ лицомъ и скулами, глубокими, сѣрыми глазами и толстыми губами громаднаго рта. Онъ несъ два съ половиной пуда. Затѣмъ Андрианъ, малый, крупнаго роста, навятый нами на дѣлѣ педѣли, далѣе нашъ работникъ Илья и другіе. На самой вершинѣ Заборной варакы былъ сдѣланъ привалъ; разложили костры, чтобъ отгонять комаровъ, и всѣ расположились живописными группами вокругъ огня. На главномъ планѣ демоническая фізіономія Ларивона освѣщалась багровымъ отблескомъ костра; затѣмъ Онисимъ-стрѣлокъ сидѣлъ надъ самыми кострами, особенно мучимый комарами. Всѣ они передавали другъ другу чарку съ водкой, наливая прямо изъ боченка, очень оживленно перебрасывались шутками, остроуміемъ и наконецъ прыгали черезъ костеръ. Желая позабавить ихъ, я сталъ натирать себѣ руки амміакомъ. Они, конечно, тотчасъ же обратили на это вниманіе. „А что, баринъ—это отъ комаровъ трется?“ „Отъ комаровъ“. „Что жъ это наговорная вода?“ „Нѣтъ, говорю, спиртъ, понюхайте“. Они, заинтересованные при словѣ спиртъ,

подбѣгаютъ ко мнѣ. Въ пузырькѣ, въ карманѣ у меня концентрированный нашатырный спиртъ. Подходить одинъ. Я ему открываю подъ носомъ пробку. Амміакъ захватываетъ дыханіе, ударяетъ ему въ носъ. Лопарь отскакиваетъ, хватается за грудь, кашляетъ, чихаетъ, протираетъ себѣ глаза, изъ которыхъ градомъ льются слезы. Поднимается общій хохоть, всѣ скачутъ, въ восторгѣ отъ эффекта, произведеннаго маленькимъ пузырькомъ. Являются охотники „понюхать еще“, и вотъ, одинъ за другимъ прикладываются они носами къ пузырьку, и опять слезы градомъ сыплются изъ глазъ, кашель, чиханье, потрясаніе головой, но главное—гоготаніе и хохоть достигаютъ неистовства, и всѣ, очень довольные, возбужденные потѣхой и водкой, принимаются пить чай. Затѣмъ, послѣ часоваго отдыха, двигаемся дальше.

Дорога на вершинѣ вараки довольно ровная, по мѣрѣ спуска, начинается дѣлаться извилистѣе и каменистѣе, тропинка суживается, и мы снова съ большимъ трудомъ поднимаемся по неровному пути. Послѣ довольно крутаго спуска мы переходимъ чрезъ торфяниковую тайболу и снова шагаемъ по разрушившимся на половину мосткамъ.

Тайбола имѣетъ обыкновенно такой видъ: среди двухъ довольно крутыхъ склоновъ, параллельно одинъ другому тянущихся на довольно значительномъ протяженіи, простирается прямая узкая корытообразная долина, или вѣрнѣе, лощина. Къ ней по склонамъ спускаются изрѣдка разбросанныя деревья, преимущественно сосны и березы. Вся лощина покрыта толстымъ моховымъ покровомъ, на которомъ, какъ на красномъ коврѣ, изрѣдка красуются кусты багульника (*Ledum palustre*), ёрника (*Betula nana*), другаго ёрника (*Empetrum nigrum*), и изрѣдка разбросаны среди нихъ крупныя корявыя березы и сосенки. Береза имѣетъ здѣсь чрезвычайно типичный видъ. Представьте себѣ стволъ толщиной въ обыкновенную человеческую руку. Онъ поднимается вертикально вверхъ, потомъ заворачиваетъ въ сторону, или круто извернувшись кольцомъ, снова направляется вверхъ. Но ни одного сучка не даетъ онъ до самой вершины. Тамъ главный стволъ сразу развѣтвляется въ массу толстыхъ, кривыхъ сучьевъ, которые, всѣ одинаковой толщины, тянутся вверхъ на одну высоту, и расходясь въ разные стороны, образуютъ крону дерева. Все это можно сравнить съ поломаннымъ зонтикомъ, желѣзныя прутья котораго исковерканы бурей.

Между тѣмъ какъ мы подвигались все далѣе впередъ и впередъ,

время шло своимъ чередомъ; стало вечерѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно свѣжѣть. Вышли мы изъ Кандалакши въ 4 часа дня и вскорѣ должны были уже достигнуть плеса. Былъ девятый часъ на исходѣ. Благодаря только порядочному грузу, который былъ на мнѣ, я не замѣчалъ особеннаго холода, но какъ потомъ оказалось, температура упала до 5 съ небольшимъ градусовъ Цельсія. Толстое парусинное пальто, надѣтое на мнѣ, уже недостаточно предохраняло отъ холода, и я долженъ былъ облачиться еще въ толстую мохнатку, короткую шерстяную куртку, надѣваемую подъ пальто. За этииъ занятіемъ меня застала цѣлая группа женщинъ Лопарокъ, которыя въ ожиданіи своихъ спутниковъ бродили около озера. Характерные костюмы, бросающіеся въ глаза головные уборы, нѣчто въ родѣ татарскихъ женскихъ красныхъ шапочекъ, усыпанныхъ массой металлическихъ бляхъ; ихъ черныя небольшіе глаза, съ рѣзко обведенными бровями; толстыя губы, слегка вывернутыя; высокія, выдающіяся скулы и сильно прижатые уши. все это было такъ типично, что невольно обращало на себя вниманіе наблюдателя. Онѣ собрались живописною группой около поваленной на бокъ лодки и раскладывали костеръ. Очевидно, онѣ должны были также примкнуть къ нашему каравану, потому что лодокъ на берегу оказалось всего двѣ. Тутъ во-очію видна была невозможность забирать большое количество носильщиковъ изъ Кандалакши; имъ некуда было бы помѣститься. А потому, слѣдовательно, пришлось бы отказаться отъ того багажа, который составлялъ ихъ ношу. Женщины эти, какъ потомъ оказалось, были нарочно сюда присланы въ качествѣ перевозчицъ.

Чудную картину представляло разстилавшееся передъ нами озеро. Совершенно ровное, гладкое какъ зеркало, серебрилось оно вдали, погружаясь въ густыя черныя тѣни поднимающихся скалъ. Справа высится громадный конусъ Шлесовой тундры, составляющей ближайшій отрогъ Кандалакшскихъ горъ (Желѣзной, Крестовой и др.) Слѣва небольшой еловый лѣсокъ надвинулся къ самому озеру, темнозелеными, почти черными, макушечными стрѣлками рѣзко вырисовываясь на свѣломъ, вѣрнѣе, блѣдномъ фонѣ неба. Большой свѣтъ большой сѣверной ночи. Но вотъ вдали что-то фантастическое. Какіе-то движущіеся дымчатые образы поднимаются по окраинамъ; вотъ они клубятся, колеблются и плывутъ — бѣгутъ къ намъ на встрѣчу, обхватывая воздухъ протянутыми, но расплывающимися руками. Это за клубилась ночная холодная роса, туманъ поднимается надъ плесомъ и, слегка подернутый луннымъ свѣтомъ, онъ дразнитъ насъ

какими-то сказочными образами,—формами, невольно приводящими вамъ на память, по странному сочетанію идей, бурныя рулады изъ Шубертова „Лѣснаго Царя“.

Но гдѣ мы? Куда мы идемъ? И зачѣмъ все это?

Тотъ „трактъ“, на который мы вступили, и который ведетъ изъ Кандалакши въ Колу, составляетъ обычный путь нѣсколькихъ сотъ поморцевъ, тянущихъ на Мурманскій берегъ. Изъ Архангельской и Олонецкой губерній еще съ марта мѣсяца поднимаются судокозяева и простые рабочіе и идутъ. Идутъ, конечно, пѣшкомъ, забравъ весь необходимый скарбъ: тулуны, тоноры, сѣти, хлѣбъ и мѣдныя гроши, въ надеждѣ добыть и себѣ, и покидаемой семьѣ кусокъ хлѣба. Начиная съ конца марта и весь апрѣль тянутся они по Кольскому полуострову. Куда? зачѣмъ? Не красна ихъ обѣтованная земля. Это Мурманскій берегъ. Уже въ началѣ мая должны они быть на мѣстѣ. Поэтому приходится путь дѣлать въ самое непривѣтное время, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда царить распутица. Это самое бурное время; пурги и ураганы свирѣпствуютъ одинъ за другимъ. Поэтому самому „тракту“, который я только началъ описывать, и который я проходилъ лѣтомъ, слѣдовательно, при условіяхъ въ десятеро легчайшихъ, приходится имъ идти громадными партіями. При отсутствіи пути идти по не населенной мѣстности, не имѣя никакихъ средствъ сообщенія, безъ пищи, съ жалкими краяхами черстваго хлѣба, въ самое дурное время года—идти и не зная гдѣ пристать, гдѣ можно отдохнуть. Вязнуть по поясъ въ снѣгу, измокнуть, продрогнуть и при этомъ полуголодать—это все ничего. Но при этомъ надо знать, что придешь домой, и тебя ждетъ теплая постель, самоваръ, да 16° въ комнатѣ, да весело потрескивающій камелекъ. Но если вы знаете, что и завтра, и послѣ завтра и чрезъ два, три, четыре дня, все опять одно и то же, тогда это мука, мука необходимая, возможная только ради куска хлѣба.

Но возвратимся къ нашему путешествію. Мы остановились на берегу перваго плеса отъ Кандалакши, у высокой Плесовой Тундры. Термометръ Цельсія показывалъ + 4, 3° (тепла). Было 9 часовъ вечера, когда мы пришли къ озеру. Скоро, постепенно подходи другъ за другомъ, собрались всѣ мы и стали снаряжать карбасы. Здѣсь карбасы весьма не велики. Если сѣло 6 человекъ, то клади почти вовсе нельзя класть. Поэтому мы распредѣлялись такъ, что почти всѣ грузныя вещи сложили въ одинъ карбасъ и въ него сѣло четверо—два гребца, рулевой и одинъ носовой. Всѣ остальные сѣли во второй карбасъ. Гребли женщины.

По дорогѣ я заинтересовался температурой воды, она = 4°, 1; тогда какъ температура воздуха упала до 2, 3°. Туманъ густыми, клубящимися столбами подымался вокругъ насъ, и суровая, холодная сырость пронизывала насъ насквозь. Этотъ ночью переѣздъ не далъ давно ожидаемаго отдыха и не укрѣпилъ насъ нисколько. Мы только невольны задерживали дыханіе, и каждый сидѣлъ притаившись и съжившись на своемъ мѣстѣ. Озеро продолжало быть совершенно спокойнымъ. Луна, гдѣ-то высоко, въ сѣдой мглѣ, свѣтилась то-скливымъ бѣловатымъ пятномъ. Тишина кругомъ мертвая. Только мѣрный всплескъ веселья и звукъ мѣрно падающихъ, бисеромъ рассыпающихся по водѣ капель, нарушаютъ это полное безмолвіе. Внизу черная вода, отъ которой вѣетъ страшнымъ, леденящимъ холодомъ. Такъ и кажется, вотъ, вотъ потопить насъ эта живая стихія. Внизу вода, а кругомъ мгла да сѣдой, холодный туманъ, сквозь непрерывный покровъ котораго мы пробираемся почти ощупью. По временамъ болѣе густыя, сѣдые клочья его такъ, кажется, и пронизываютъ насъ насквозь. Впереди онъ какъ бы разступается передъ нами, но сзади тотчасъ же заволакиваетъ оставленный слѣдъ, какъ бы говоря: „вѣтъ возврата“.

Никто ни слова. Всѣ сидятъ стиснувъ зубы, съжившись по возможности всѣми членами. Вотъ одинъ изъ Лопарей опустился на дно карбаса, усѣлся тамъ на корточки, обхватилъ свою грудь тощими руками, и плотно прижавшись ею къ колѣнямъ, наклонилъ къ нимъ вплотную голову. Это самая спокойная, удобная, компактная, такъ-сказать, поза. Такъ и теплѣе, и мѣста меньше занимаешь. Это любимая поза спокойно расположившагося дикаря, на примѣръ, Ново-Зеландца или Ново-Каледонца; это поза ребенка въ утробѣ матери; такъ хоронили своихъ сородичей люди каменнаго періода.

Долго плыли мы такимъ образомъ. Въ сущности намъ только казалось долгимъ время, а пришлось проплыть только 5 верстъ. Наконецъ Лопари стали сворачивать понемногу влѣво, и хотя мы еще очевидно не доѣхали до конца плѣса, пристали къ берегу. Низменный, плоскій берегъ, густопоросшій кустарникомъ, преимущественно являкомъ, съ цѣпью тощихъ елочекъ на второмъ планѣ, непривѣтливо смотрѣлъ на насъ, и очевидно, не представлялъ ничего особеннаго замачиваго, но мы были рады выйти изъ своего окаменѣлаго положенія и поразмять свои члены. Опять снаряжались Лопари, надевая при обходной помощи свои тапки; опять отпускаясь остро-ты на счетъ тяжеловѣснаго Мишки—громаднаго Лопаря, о которомъ

уже приходилось говорить. Хотя четыре версты — невеликій переходъ, но эти четыре версты пришлись намъ тяжелы. Вскорѣ за поворотомъ отъ берега, тамъ гдѣ дорога тинется еще ивнякомъ, приходится подниматься въ гору, все круче и круче, и опять повтореніе прежняго — въ гору и подъ гору. По низинамъ сохранились еще мѣстами остатки гнилыхъ бревешекъ, когда-то бывшихъ мостковъ; эти бревешки въ настоящее время положительно только мѣшаютъ ходьбѣ.

Свѣту прибавляется понемногу все болѣе и болѣе, и вотъ уже опять зачинается зарница. Кратковременность ночи здѣсь дѣйстви-тельно поражаетъ. Въ Колѣ съ 20-го мая по 15-го іюля не заходитъ солнце. Въ серединѣ іюня мѣсяца, въ полночь, Коляне такъ описы-ваютъ положеніе солнца. Если отойти отъ хаты средней высоты шаговъ 50 и смотрѣть на конецъ крыши, такъ какъ разъ на немъ и приходится солнце. Такъ какъ мы въ описываемое время были на 200 верстѣ южнѣе Колы и насъ отдѣляли отъ нея высокія горы, то повѣрно, что для насъ въ іюль (14-го числа) солнце уже заходило, но очень ненадолго, на какихъ-нибудь два часа, и свѣту все время было слишкомъ достаточно, чтобы не уснуть въ подобную ночь.

„Вотъ и новый плѣсъ! Ну этотъ почище того будетъ!..“

„А что же особеннаго?“

„Да такъ. Сначала-то еще ничего. Озерко.“

„И всего четыре версты ѣхать?“

„Да четыре. Да эти четыре тоже станутъ тѣхъ четырехъ что только что прошли“. Тутъ, видите ли, придется подниматься противъ течения рѣки Нивы. Сначала-то она ничего: бурлива только малость. Ну, а тамъ, послѣ, какъ къ тайболѣ подѣзжигъ станемъ, такъ какъ есть котель кипятить. Такъ у насъ печкой и зовеся!“

„Нельзя ли будетъ обойти? Спокойные-то заводи да плѣсы пройдемъ, а тамъ бережкомъ обойдемъ? А? Ларивонъ?“

„Нельзя, барчукъ, нельзя! Тропинки тебѣ нѣтъ; на берегу лоски, болото. Увизнешь какъ разъ. Да ты не бойся! Я вотъ сколько лѣтъ всю рѣку пройзжаю! Каждый камень, какъ родной, знаю!“

Усѣлись мы въ лодки. Идемъ. Что за странное дно здѣсь. Такъ причудливо измѣняются въ немъ глубины. Вотъ совершенно черио подъ лодкой, хотя вода и совершенно чистая, прозрачна; вотъ мелькнули хребты двухъ-трехъ громадныхъ саженныхъ валуновъ. Вотъ бѣжитъ лодка надъ самою песчаною отмелью близко-близко, — такъ и кажется, что задѣнетъ непремѣнно. Вотъ отмель смѣнилась камени-

стою грядой, сложенною изъ цѣлой груды валуновъ и опять глубь—черная, непроглядная.

Вотъ, на дотолъ совершенно гладкой поверхности воды, показываются струйки и зеркальные рѣзко очерченные круги; это признаки, что теченіе здѣсь довольно сильное. Вотъ эти большіе круги крутятся, точно выкипаютъ они снизу изъ глубины; рѣзко очерченны они кругомъ струящеюся водой, а въ нихъ самихъ вода стоитъ какъ зеркало, только слегка выпуклое вверху.

Надо сказать правду, всѣ Лопари отличные гребцы. Они опускаютъ въ воду и выпимаютъ весла изъ воды почти совершенно не слышно: доказательство того, что они умѣютъ придать веслу въ рукѣ должный уклонъ для того, чтобъ оно свободно прорѣзало поверхностный слой воды; каждый разъ только нѣсколько капелекъ воды скатятся съ весла. Но главное, при греблѣ Лопарь далеко закидываетъ весло назадъ, далеко впередъ вытягивая руки; вслѣдствіе того у него очень великъ размахъ; затѣмъ, достоинство его гребли состоитъ въ томъ, что, сильно запеса весло, онъ налегаетъ на него повемногу, постепенно усиливая нажимъ, а не дергаетъ его сразу къ своей груди какъ это дѣлаютъ яличники и въ особенности всѣ Чухны; доведя силу давленія весла на воду до опредѣленнаго максимума, онъ опять-таки постепенно ослабляетъ давленіе и вынимаетъ осторожно изъ воды. Вслѣдствіе того вы ѣдете быстро и равномерно, плавно; вы не покачиваетесь и не подаетесь всѣмъ корпусомъ впередъ, какъ это бываетъ при порывистой греблѣ.

Но вотъ я начинаю замѣчать, что мѣрные удары веселъ понепогу измѣняютъ свой темпъ, и все чаще и чаще слышны всплески, слѣдующіе одни за другими; гребцы зачастили. Теченіе становится очень сильнымъ. Подъ носомъ карбаса сильно журчитъ фонтаномъ поднимающаяся вода, и мѣстами, на отмеляхъ, по камнямъ пачинаетъ уже пѣвиться и шумно попрыгивать бурливая Нива.

Вотъ сразу впереди открывается широкій порогъ, составленный изъ нѣсколькихъ рядовъ крупныхъ валуновъ. Мы на минуту останавливаемся, и нашъ „слѣдопытъ“ Ларивонъ отдастъ свои распоряженія. На носу съ шестомъ садится одинъ Лопарь, другой такой же на кормѣ, самъ Ларивонъ и Описимъ, лучшіе гребцы, садится на четыре весла. Ударяли; разогнали лодку и быстро пропеслись мимо первыхъ крупныхъ каменьевъ, но тутъ рѣзка спяно слахла въ узкихъ берегахъ, теченіе стремительное. Впереди три-четыре крупныя валуна, черезъ которые бѣшено несется масса пѣвнящейся воды. Лодка почти стала

подъ напоромъ струи воды, бьющей среди двухъ камней. Нѣсколько усилій—вотъ вотъ.... Вдругъ—кракъ! и мы съѣли на большомъ валунѣ; лодка совсѣмъ на боку, и ее начинаетъ понемногу поворачивать. Подвигается обычная суматоха. Кормчій кричитъ что-то, всѣ бросаются, чтобы что-то сдѣлать. Одинъ Ларивонъ не теряется и, однимъ сильнымъ ударомъ весла повернувъ лодку, сводитъ ее съ валуна, и послѣ нѣсколькихъ усилій, мы начинаемъ опять подвигаться впередъ. Ловко лавируя между крупными валунами, то работая весломъ, то давая сильный толчекъ впередъ шестомъ, пользуясь всякимъ прикрытіемъ, чтобы избѣжать стремительныхъ струй, мѣстами пробивающихся среди двухъ валуновъ, нашъ кормчій ловко велъ лодку вдоль лѣваго берега. Такъ плыли мы, противъ сильнаго теченія, около получаса. Но теченіе все усиливалось; пока мы были еще прикрыты отъ главнаго напора воды довольно значительнымъ мысомъ, еще можно было кое-какъ управляться, хотя мы подвигались весьма медленно. Но вотъ мы огибаемъ мысъ, и рѣка превращается въ стремительнѣйшій бурный потокъ. Съ страшными усиліями подвигаемся мы впередъ, почти исключительно проталкиваясь на шестахъ; въ довершеніе всего приходится черезъ этотъ потокъ переѣхать поперекъ на противоположный берегъ. Мы всѣ протестуемъ. Какъ то страстно хочется переправы, и жутко становится, и сердце замираетъ отъ удовольствія. Ширина потока сажень 15. А уже въ 2—3 саженьяхъ отъ берега, съ страшнымъ ревомъ и грохотомъ, бѣшено несется клокочущая масса воды, мѣстами грозно черная, вытянувшись въ толстыя струи потока, мѣстами неистово подпрыгивая вверхъ, перескакивая чрезъ валуны, а частью со свистомъ, извивалась вверхъ мимолетнымъ фонтаномъ и разсыпаясь потомъ тысячами брызгъ, цѣнящими кругомъ и безъ того сѣдую поверхность волны. Такъ и скачутъ, такъ и рвутся волны. Брызги, ревъ, грохотъ... Лодку остановили. Настала мертвая тишина. Ларивонъ сказалъ нѣсколько словъ своимъ. Тѣ молча кивнули головой. Мы согласились ѣхать. Дружно ударили четыре весла. Разъ, два... три... вотъ насъ что-то подхватило, мелькаютъ валуны, пѣна, брызги... мы несемъ впередъ, а теченіе съ страшною быстротою уноситъ насъ внизъ. Мы не разъ патыкаемся, соскакиваемъ снова... Вотъ нѣсколько крупныхъ валуновъ... Вода съ ревомъ несетъ насъ на нихъ. Какіе-то два-три удара шестомъ Ларивона, и мы пронеслись мимо. Вотъ мы сильно ударились обо что-то... Да, мы ужь у берега...

Нѣсколько мгновеній мы не могли опомниться. Только маленькій

человѣчекъ спокойно стоялъ на кормѣ и тихо утиралъ свою вспотѣвшую голову, теперь такъ живописно покрытую косматыми черными волосами.

Это положительно художникъ своего дѣла! Его ястребинный носъ какъ-то еще пригнулся. Маленькіе черные глазки блестятъ наслажденіемъ и гордостью. Въ эту минуту онъ былъ прекрасенъ и великъ.

Когда мы опомнились, дружное ура огласило тихіе берега бурной Нивы. Нашъ энтузіазмъ не зналъ границъ; какъ всегда бываетъ послѣ важныхъ, тяжелыхъ минутъ опасности, наступила реакція, и всѣ старались какъ-нибудь выразить шумную радость, смѣшившуюся напряженное молчаніе. Всѣ заговорили разомъ. Носильщики, дотолѣ осторожные, безтолково засуетились. Мои альбомы для рисованія полетѣли на болотистый берегъ, всѣ мелочи изъ сумки вывалились въ мелкій кустарникъ, гдѣ ихъ пришлось съ четверть часа отыскивать.

Слѣдовавшая за нами лодка была далеко не такъ счастлива, и это, конечно, зависѣло отъ сравнительной неловкости кормчаго. Первую половину ширины рѣки они проѣхали также удачно, какъ и мы. Гребцы гребли изо всѣхъ силъ; лодка быстро неслась по діагонали, сильно увлекаемая теченіемъ. Но вотъ у одного изъ гребцовъ сорвалось весло вслѣдствіе усиленной и ускоренной гребли; онъ опрокинулся назадъ и произвелъ замѣшательство; лодка качнулась. Прошло нѣсколько мгновеній всеобщаго смущенія и бездѣйствія; лодку между тѣмъ панесло на большіе валуны. Сильно качнулась она; всѣ понадали; новымъ порывомъ волны лодку сильно накренило черезъ валуны, и вода широкою струей полилась черезъ бортъ внутрь лодки. Тамъ была большая часть багажа и нашъ звукъ, да еще три человѣка. Мы были нѣмыми зрителями ужасной картины; стоя на берегу, мы вторично переживали всѣ перипетіи угрожавшей намъ катастрофы. Но вотъ одинъ изъ Лопарей догадался помочь дѣйствию воды, вмѣсто того, чтобъ ей противоудѣйствовать. Сильно наперевъ въ камни со стороны удара волны, они перевалили лодку черезъ камни, и она бѣшено понеслась дальше внизъ. Между тѣмъ весла заработали снова, и хотя сажень на 30 ниже насъ, но они все-таки благополучно пристали къ берегу.

„Ну, Богъ помилуе! Укоризненно качая имъ на встрѣчу головой“, говорилъ Ларивонъ.

„Въ самой пекчѣ проклятой чуть было не застряли. Только кабы не Гаврило, плохо бы было“.

„Противъ Ларивона у насъ мало кто найдется выстоять“, признавались Лопари.

„Вотъ только одинъ Описимъ!“

„Да“, говорилъ Ларивонъ,—„не даромъ мы съ нимъ въ лѣто разъ шесть-семь по Нивѣ въ Кандалакшу спускаемся! Вотъ это, да еще два-три такихъ проклятыхъ мѣста выищется, не больше. Есть гдѣ на веревкѣ лодку проводимъ, а сами по берегу идемъ. А въ одномъ мѣстѣ свой карбасъ по берегу волокомъ волокемъ. Слава, пресвятой Христородицѣ! Берегла до сихъ поръ, матушка!“

Описимъ все время молчалъ, не желая принимать участія въ объясненіяхъ, но въ то же время самодовольно улыбался, какъ бы не желая потерять должнаго величія.

„Онъ у насъ не смотри что корявый! Такого стрѣлка поискать надо! Оленя въ глазъ бьетъ на шестьдесятъ сажень! Щенку тонкую ему поставить, тоже на шестьдесятъ сажень собьетъ“.

Переговариваясь такимъ образомъ, мы окончательно выгрузили свою кладь изъ карбасовъ и шли снова дугомъ по тропинкѣ, каждый со своею ношей. Это былъ большой переходъ, въ 7 верстъ. Мѣстность сначала нѣсколько волнистая потомъ становится совершенно ровна, и по ней проложены хорошіе мостки. Мѣстами только, особенно подъ конецъ, гдѣ не успѣли еще ихъ починить, сохранились лишь однѣ поперечныя балки и перекладины. Гнилыя, обратившіяся въ какую-то труху, доски валяются тутъ же по бокамъ, мѣшая только путнику. Приходится или поминутно всходить на доски и снова сходить съ нихъ, или шагать чрезъ балки, или лавировать во всѣ стороны, унывая при этомъ въ нѣсколько тонокъ грунтъ. Здѣсь дорога идетъ все время крупнымъ лѣсомъ. Высокія сосны, съ своими красноватыми голыми стволами, перемежаются съ яркозелеными слями, покрытыми сѣдыми мохнатыми лишайниками, свисающими съ вѣтвей. Они придаютъ этимъ деревьямъ какой-то унылый, старческой характеръ. Здѣсь уже начали намъ попадаться въ значительномъ количествѣ лемминги или, по мѣстному названію, пеструшки (*Myodes torquatus*). Прехорошенькіе звѣрки, изъ породы полѣвокъ. По формѣ они сильно напоминаютъ морскую свинку въ миниатюрѣ. Краснобурого цвѣта, съ широкою, совершенно черною полосой на шеѣ и очень короткимъ хвостомъ, они очень рѣзко отличаются отъ мышей еще и тѣмъ, что мордочки ихъ совершенно притуплены, что придаетъ круглую форму ихъ головѣ. Два большіе рѣзца на верхней челюсти видны изъ подъ разрѣзныхъ губъ даже при закрытомъ ртѣ.

Послѣ весьма продолжительнаго перехода по мосткамъ, приходится подниматься на покрытую густымъ, прекраснымъ лѣсомъ вараку, которая замѣчательна своею крутизной и живописностью. Масса громадныхъ дикихъ валуновъ угловатой формы разбросана по ея поверхности. На многихъ изъ нихъ растутъ высокія ели и сосны, которыя составляютъ, вѣроятно, уже не первую сотню поколѣній. Несмотря на сильную каменность дороги, она здѣсь прекрасна. Это объясняется тѣмъ, что тропинка поднимается на поддонную морену глетчера, въ которой не разсортированъ матеріалъ, и потому при плотномъ грунтѣ поверхность тропинки песчаная.

Еще крутой подъемъ, поворотъ на лѣво, спускъ, поворотъ на право, и передъ вашими глазами открывается чудная картина Громадная водная поверхность въ 90 верстъ длиной и 30 шириной, при началѣ сжата въ узкихъ и высокихъ берегахъ. Было 5 часовъ утра, и солнце уже довольно высоко поднялось надъ горизонтомъ.

„Это Зансекъ“, скромно сказалъ Ларивонъ.

„Господа,“ мы на Имандрѣ!“

И всѣ стали устраивать бивуакъ.

II.

На Имандрѣ.

Озеро Имандра лежитъ на высотѣ 110 метровъ надъ уровнемъ океана ¹⁾. Поэтому понятно, что всѣ накопляющіяся здѣсь воды должны быстро сливаться по большому уклону въ Кандалакшскій заливъ. Мы уже успѣли познакомиться съ рѣкой Нивой, которая служитъ главнымъ стокомъ этого громаднаго озера. Мы знаемъ, что это непрерывный, горный потокъ, несущій свои воды на протяженіи 33 верстъ, изъ которыхъ, впрочемъ, 5 верстъ приходится вычестъ на первый плесъ, и 4 на второй. Слѣдовательно, на протяженіи 9 верстъ эта рѣка протекаетъ сквозь озеро, и мы можемъ принять ея поверхность за горизонтальную. Остальныя 24 версты рѣка имѣетъ паденіе въ 110 метровъ или 360 футъ. Если вывести отсюда отношеніе длины рѣки къ высотѣ ея паденія, получимъ 10,000' къ 43'. При

¹⁾ 1 метръ=3,28'=1,4 аршина; слѣдовательно, 110=360,8'.

такомъ сильномъ уклонѣ, понятно, рѣка Нива быстро уноситъ свои воды отъ истока къ морю. Отсюда происходитъ и ея сила, и быстрота. Для того, чтобъ имѣть совершенно ясно представленіе о ея быстротѣ, сравнимъ ее съ общеизвѣстною рѣкой Невой. При длинѣ въ 67 верстѣ и ширинѣ до 300 саж. она имѣетъ паденіе въ 50'. Что даетъ отношеніе на 234,500'—50', или на каждые 10,000'—2,132'. Такъ какъ мы вывели отношеніе паденія рѣки къ той, же самой длинѣ въ 10,000', то сравнимъ эти двѣ величины для рѣкъ Невы, и Нивы, получимъ соотношеніе чиселъ 2,132' къ 43', что составитъ приблизительно 21,1; то-есть, теченіе рѣки Нивы въ 21 разъ быстрѣ теченія Невы. Понятно, что сообразно съ такою быстротой рѣки и самое озеро Имандра быстро опоражнивается отъ весеннихъ водъ и затѣмъ все время стоитъ на одномъ уровнѣ, а рѣка сильно углубляетъ свое русло и размываетъ берега.

Озеро Имандра простирается съ сѣвера на югъ въ длину до 90 верстѣ. Оно лежитъ въ очень глубокой и узкой котловинѣ, вытечной глетчернымъ льдомъ; ледникъ этотъ долженъ былъ идти съ юга на сѣверъ, на что имѣются геологическія доказательства, но ихъ не мѣсто приводить здѣсь. Озеро вытянулось въ почти прямую линію, что опять указываетъ на ледниковое происхожденіе ложа. Только на южномъ своемъ концѣ оно образуетъ крутой заворотъ на западъ, послѣдній названіе Бабинской Имандры, соединяющейся съ Юкоостровскою, которая составляетъ самый южный конецъ озера. Ширина озера весьма непостоянна; средняя величина можетъ быть принята за 10 верстѣ; но она варьируетъ отъ 7,8 до 30 верстѣ, если считать, напримѣръ, Мончу-губу и Витти-губу. Это громадный водный бассейнъ, принимающій въ себя нѣсколько большихъ рѣкъ, какъ напримѣръ, истоки цѣлаго ряда Челмозеръ и Пиренгозеръ, съ запада, рѣку Печу, изъ Умбозера, съ востока, и еще съ запада въ Мончу-губу впадаютъ воды изъ цѣлаго ряда озеръ. Кромѣ рѣки Нивы, существуетъ еще только одинъ потокъ, именно озеро высыластъ большую рѣку „Большую“, съ юго-востока; она впадаетъ первоначально въ озеро Кольвицкое, а затѣмъ въ Кандалакшскую губу. Не смотря на это громадное количество доставляемой въ озеро воды, оно все-таки остается мелкимъ. Именно, средняя глубина его колеблется отъ 2 до 3 сажень, и дно притомъ всегда каменистое, устланное толстымъ слоемъ валуновъ. Мѣстами, конечно, случается находить и большую глубину, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ самому берегу подходятъ высокія горы. Такъ именно у Хибинныхъ горъ,

она достигаетъ 25 сажень, что впрочемъ составляетъ уже максимумъ глубины.

Чудную картину представляетъ это озеро, какъ въ ясную, такъ и въ бурную погоду. Сжатое въ узкой долині громадными, высокими горами, покрытыми до известной высоты сперва лиственными, а затѣмъ крупнымъ сосновымъ лѣсомъ, при скалистыхъ берегахъ, громадномъ количествѣ острововъ, совершенно чистой, прозрачной водѣ, оно вполне имѣетъ характеръ горнаго озера.

Когда мы проснулись, въ день прихода изъ Кандалакши, послѣ недолгаго, но весьма глубокаго сна, какое-то странное чувство владѣло всѣмъ нашимъ организмомъ. Но дѣло было непонятно только до первой нашей попытки встать. Пройдя наканунѣ 24 версты пѣшкомъ, съ значительною ношей, до полутора пудовъ вѣсомъ, на спящѣ, мы неминуемо должны были быть совершенно разбиты. И дѣйствительно, первое, что я почувствовалъ, едва поднявшись съ земли, — была страшная ломота въ лопаткахъ, на которыхъ держалась моя сумка, укрѣпленная въ видѣ ранца. Чувство общей разбитости и какая-то одеревенѣлость ногъ не позволяли безнаказанно сдѣлать нѣсколько шаговъ. Мускулы ногъ горѣли, точно послѣ горчичниковъ, и съ каждымъ движеніемъ соединялась такая боль, что по неволѣ приходилось лежать на мѣстѣ. Чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ къ озеру, приходилось терпѣть муки, и невольно брался я руками за мускулы бедра и, сильно сжимая ихъ, утишалъ боль и такимъ способомъ могъ переступать. Въ качествѣ безногаго расположился я на берегу и разбиралъ свой гербарій, а затѣмъ пытался набросать карандашомъ прелестную перспективу Хибинныхъ горъ, которая рисовалась далеко на горизонтѣ, верстъ за 50 отъ Зашейка. Но, увы, только что взялся я за карандашъ, какъ надъ головой моею раздалось трубное пѣніе, и цѣлый рой комаровъ загудѣлъ въ воздухѣ. Тутъ позналъ я впервые истыя муки, причипяемыя комарами. Все лице, уши, шея и руки были немедленно покрыты цѣлымъ сѣрымъ слоемъ комаровъ, которые, плотоядно напѣвая свою пѣсню, ползали по тѣлу и поминутно жалили одно мѣсто за другимъ. Руки были одѣты какъ бы въ сѣрыя перчатки. Глаза приходилось закрывать. Особенно нападали они на заушь и вѣки. Къ нимъ присоединились вскорѣ и мошки. Лопари говорили, что „эта мошка тѣспыя мѣста больно любитъ“. И дѣйствительно, въ то время, какъ комары кусали руки и лицо, мошки заползали за очки и разѣдали кровь вѣки, забирались за уши, и вскорѣ тамъ показывалась кровь и тонкими

полосками струилась по тѣлу. Понятно, при такихъ условіяхъ рисованіе шло плохо. Карандашъ только что коснется бумаги, какъ въ то же мгновеніе вы чувствуете два-три укола. Вотъ нѣсколько мошекъ суетливо бѣгаютъ по вѣкамъ, щекотая и раздражаютъ немилосердно. Вооружившись терпѣніемъ, хочешь пренебречь такою мелочью, тогда двѣ изъ нихъ, взбѣгаютъ на глазное яблоко,—вы мигаете и вмѣсто рисованья должны заняться удаленіемъ этого посторонняго тѣла. Однимъ словомъ, вскорѣ борьба становится не по силамъ, и волею-неволею раскладываешь костеръ, на который сверху бросается кусокъ сырого дерна, для полученія ѣдкаго дыма. Лопари обыкновенно кладутъ въ огонь кусты вороницы, гажьей ягоды и побѣги изящнаго ползучаго растенія *Linnea borealis*. Вскорѣ густой бѣловато-сѣрымъ дымъ клубами валитъ изъ костра, и отъ него комары и мошки дѣйствительно нѣсколько отлетаютъ въ сторону. Но за то ѣдкій дымъ начинаетъ разѣдать глаза, щиплетъ горло, спазмодическій кашель начинаетъ душить спасающагося отъ комаровъ, и невольно отодвигаешься снова отъ костра и опять попадаешь въ область комаровъ и мошекъ.

Разложено три костра, въ видѣ треугольника. Въ промежуткѣ между ними помѣстились мы. Компания состоитъ изъ насъ — двухъ путешественниковъ, трехъ Лопарей и нашего зуйка—Ильи. Лопари—наши старые знакомые—Ларивонъ, Онисимъ и Миронъ глухой. Этотъ послѣдній, большею частью, все молчитъ и улыбается.

„Былъ въ нашихъ мѣстахъ Англичанъ одинъ“, рассказываетъ Ларивонъ.—„Ноги у него все болело болѣли. Такъ для себя, нарочно, нанялъ онъ восемь челоуѣкъ, чтобъ они его изъ самой Кандалакши на креслѣ несли. Самъ здоровый такой, сильный. Все въ книжку записываетъ. Пу. несли его. Медвѣдь-то нашъ тоже несть. Только на первомъ двѣнадцативерстномъ переходѣ, хоть и частенько присаживались, а поустили порядочно-таки. На одномъ мѣстѣ споткнулись они, да чуть не вывалили его. Сердился онъ очень на Мирона“.

Замѣчу, что у этого глухого Мирона, совершенно своеобразная фізіономія. У него сильно выраженъ монгольскій типъ, или вѣрнѣе, калмыцкій: косо поставленные глаза, сильно выдающіяся впередъ скулы, косматныя, рыжевато-бѣлокурыя волосы, толстый вздернутый носъ и толстыя красныя губы, глаза голубые. Онъ совершенно выдѣляется изъ общаго лопарскаго типа. Большая часть Лопарей длинноносые, даже съ орлиными носами. Глаза поставлены прямо. Скулы нѣсколько широки, но впередъ не выдаются.

„Авгличавъ этотъ три раза его срисовывалъ. Первый разъ здѣсь; потомъ у стоячаго камня, что подъ Сырою Тундрой. Посадилъ его на камень, отъѣхалъ и срисовалъ съ лодки“.

Миронъ сидитъ и самодовольно улыбается.

„Все этотъ Англичавъ срисовывалъ. И вежу (избушку лопарскую), и лодки наши, и лѣсъ, и насъ самихъ, и горы... Оленей особенно радъ былъ увидѣть. На продажу вели“.

„Неужели дикихъ?“

„Нѣтъ, баринъ, дикихъ не поведешь. Едва къ нему, косматому, подобрешься съ пашею винтовкой, да и пулю въ бокъ. Вотъ тебѣ и конецъ“.

„А покажите-ка свои винтовки!“

Онпсимъ и Ларивоць отправились и принесли каждый свою. Вотъ, что мы увидали. Очень толстый и длинный стволъ, вѣсомъ отъ 17 до 22—23 фунтовъ, имѣетъ толщину стѣнокъ несоразмѣрно великую. Собственно средній капаль такой толщины, что пулей служить обыкновенная волчья картечь. А наружный діаметръ 35 миллиметровъ или одинъ англ. дюймъ съ четвертью. Слѣдовательно, толщина стѣнокъ дула равняется 14 или 15 миллиметрамъ. Понятно, отъ этого и занеситъ страшная тяжесть ружья, но также и вѣрность боя, и отсутствіе отдачи. Дуло никогда при выстрѣлѣ не кладется на руку, а ставится или на рогатку, или кладется на сучекъ, камень и т. п. Ложе ружья идетъ не внизъ, а вверхъ, и потому не упирается въ плечо, а кладется на плечо; для большей стойкости и вѣрности боя Лопарь еще притискиваетъ стволъ рукой. Ружья кремневныя съ полочкой. Тамъ, гдѣ находится замокъ, съ правой стороны, придѣланы къ ложу кусокъ оленьей шкуры, мѣхомъ кверху, для защиты отъ сырости. Подъ мѣховымъ покрываломъ кладется еще промасленная бумага или тряпка. Лопари очень заботятся о своихъ ружьяхъ. Медленно, тщательно отвернетъ Лопарь шкурку, протретъ полочку, замокъ и все дуло масляною тряпкой; прочиститъ стволъ внутри желѣзнымъ ломполомъ, продуетъ, смахнетъ соринку и также истоиво, рачительно и крайне медленно пачиваетъ заряжать. Пороху кладетъ Лопарь съ полъ-панерстка, потомъ для большей силы боя, приколачиваетъ его крѣико на крѣико и съ тряпичей загоняетъ пулю-картечку.

„А ну-ка, ну-ка, Онпсимъ, ты вѣдь стрѣлокъ знаменитый! Попади въ цѣль на 60 сажень!“

Торжественно и гордо поднялся Ларивоць. Онъ не хотѣлъ усту-

пять Онисиму. Долго, медленно цѣлилъ онъ въ укрѣпленную среди валуновъ на водѣ щепку; выстрѣлилъ, и пуля щелкнула по камню, у самой щепки. Скофуженный неудачей, онъ тотчасъ удалился.

Выступилъ Онисимъ. Улегшись животомъ на землю, укрѣпивъ ружье среди камней, долго наводилъ онъ, выцѣливалъ, и когда выстрѣлилъ, щепка сдѣлала скачекъ къ верху и упала въ воду. Съ самодовольною улыбкой поднялся онъ съ земли и задумчиво поникъ потомъ своею курчавою головою.

Я между тѣмъ налилъ ему стаканъ коньяку. Какой эффектъ произвелъ этотъ стаканъ! Лице полное мысли, крайне выразительное, хотя и некрасивое, вдругъ измѣнилось... Глаза сразу какъ-то засвѣтились, разгорѣлись. Страсть вспыхнула въ нихъ. Медленно, понемногу, сталъ онъ пить незнакомое ему вино, смакуя каждую порцію въ нѣсколько капель. Затѣмъ мы вернулись къ костру, и разговоръ зашелъ конечно вообще о стрѣльбѣ и объ охотѣ.

„Вотъ намъ интересно вѣды! Тутъ у насъ бобры есть!“

„Какъ, бобры!“ удивились мы...

Извѣстно, что въ древнее время, въ Россіи жили бобры; при Владимірѣ Мономахѣ, Ярославѣ жили бобры даже въ Диѣцрѣ. Сѣвернѣе, какъ извѣстно, новгородскіе ушкуйники торговали мѣхомъ и подать платили бобрами. Но въ позднѣйшее время о нихъ упоминается рѣдко; по видимому, послѣ Ермака бобры стали вывозиться изъ Сибири.

„Да, тутъ, вотъ, недалеко есть озеро. Бабинская Имандра прозывается“, разказывалъ Григорій кривой, присоединившійся къ нашей группѣ.

„Въ одномъ узкомъ рукавѣ и въ рѣкахъ, повисше, есть мѣста, гдѣ мы, вотъ, съ Потапомъ, еще года два тому, не больше, видѣли жилища ихъ; горками такими, шапками поднимаются изъ воды. А лѣтъ пять назадъ, такъ мы ихъ много еще били и шкуры продавали. На Гольцовомъ ручьѣ, еще подъ Хибиными Тундрами, тоже лѣтъ пять тому назадъ, бобры жили. А на Колѣ рѣкѣ, такъ и до сихъ поръ еще одинъ живетъ. Вотъ ужъ за прошлое лѣто его два раза видѣли¹⁾. Тамъ подъ Колой верстахъ въ семи, живетъ Швецъ, колонистъ Матвѣй, такъ вотъ онъ первый увидалъ и убить хотѣлъ. да исправникъ

¹⁾ Это фактъ. Кольскій исправникъ взднатъ, въ 1880 году, на лодкѣ къ колонисту, открывшему бобра, и видѣлъ его.

сказалъ ему, что штрафъ большой возьметъ, такъ до сихъ норъ цѣль боберь“.

—Ну, а настоящіе дикіе олени есть у васъ? Говорятъ, вы вмѣсто дикихъ, все домашнихъ бьете?“

—Ну, баринъ, это и видно, что дикаря-то вы и не видали. Его не спутаешь! Теперь, возьмемъ, наприжъръ, хоть ручпаго домашняго оленя. Ростомъ олъ маленький; бѣжить ли, такъ ли стоитъ,—шея и голова у него опущены; у дикаря всегда шея и голова гордо кверху закинуты. Въ лѣсу ли олъ стоитъ, сторожить, шея кверху вытянута, голову закипеть, прислушивается, либо озирается. Рога у дикаря гораздо больше, чѣмъ у домашняго. Лопатка на рогахъ широкая, пальцы крючками загнетъ. Онъ ихъ копытами колотить, куеть, и такую форму выкуеть, какою захочетъ“.

—А что вы знаете про маленькихъ?“

—Да, почитай, что ничего не знаемъ. Вѣдь теперь дикаря то въ кон вѣки увидишь. А маленькихъ совсѣмъ не видимъ. Маленькихъ, годовалыхъ, либо двухъ-годовалыхъ мы пыжиками зовемъ. Махонькіе они, махонькіе рожатся. Насосутся какъ вдоволь, такъ и лачинають за маткой бѣгать. Иной съ ягпеночка самаго молоденькаго, а такъ прытко скачетъ. Вѣдь у насъ и домашніе, на лѣто, на свободу выпускаются, такъ вотъ и приходится видѣть. Пока matka ихъ водить, отваживають, зовуть ее важенкой. Она ростомъ куда меньше самца. У пыжика рога сперва простыми бугорками торчатъ. Потомъ какъ длиннымъ клинышкомъ выростутъ, такъ сбросить ихъ пыжикъ, а на новый годъ ужъ у него вилочкой рожки торчатъ. Каждый годъ олъ ихъ теряетъ, и каждый годъ они все больше и вѣтвистѣе растутъ. Когда далеко ходить приходится, такъ мы свою винтовку оленю на верхнія вилки рога кладемъ, и бережно ее олъ несетъ. Если случится, что тропинка слишкомъ узка станеть, такъ олъ, чтобы ружье не задѣвало за деревья, голову въ сторону поворотить, такъ что ружье не поперекъ, а вдоль тропинки приходится“..

Костеръ между тѣмъ догорѣлъ, но ѣдкій чадъ все еще расходился отъ него по землѣ во всѣ стороны. Комары временно оставили насъ въ покоѣ. Около меня лежалъ альбомъ съ жалкимъ наброскомъ Хибинныхъ горъ, который могъ служить доказательствомъ только того, до какой степени могутъ комары мѣшать занятому человѣку и измучить его. Я попросилъ одного изъ собесѣдниковъ посидѣть спокойно я черезъ десять минутъ показалъ Лопаримъ готовый портретъ. Хотя это былъ только набросокъ, но сходство мнѣ удалось схватить, такъ

что не только всѣ присутствующіе Лопари одобрили его, но и впоследствии въ Колѣ, за 200 верстъ, мнѣ приходилось слышать, показывая, мой альбомъ восклицанія: да это Описиуъ!.

За первымъ послѣдовала очередь втораго, Потапа, и притомъ я изобразилъ его въ двухъ видахъ. Лопари, очевидно, очень довольны, когда съ нихъ срисовываютъ; позируютъ они съ удовольствіемъ. Замѣчательно, что стоя вообще невысоко по своему развитію въ ряду европейскихъ племенъ, они имѣютъ замѣчательно развитый художественный вкусъ и способность разбирать рисунки и чертежи. Мнѣ приходилось нерѣдко удивляться неумѣлости русскаго народа понять и видѣть самый ясный оттушеванный рисунокъ. Лопари же по нѣсколькимъ штрихамъ эскиза узнаютъ рисунокъ горы и, замѣтивъ отгѣпки памѣченныхъ долинъ, логовъ, называютъ ихъ по именамъ. Это вовсе не такъ просто и неинтересно, какъ кажется съ перваго взгляда. По моему, это имѣетъ глубокой смыслъ, важное антропологическое значеніе. Это указываетъ на извѣстное развитіе, на врожденную способность къ образнымъ представленіямъ, къ ясному мышленію, къ сопоставленію. Умѣя представить, вспомнить и послѣдовательно прослѣдить по чертежу всѣ детали мѣстности, Лопарь, очевидно, при этомъ ясно видитъ предъ собою знакомую картину; и вотъ эта-то способность отъ линіи плана и даже карты переносится къ отвлеченному, умственному представленію, сохранившемуся въ памяти, ясно указываетъ на существованіе у него высшаго ряда способностей. И я убѣжденъ, что Лопарю легко далась бы геометрія, а за нею и механика. Я знавалъ университетскихъ товарищей, которые, связно передавая описаніе вещи, не могли ясно представить ее сами себѣ въ умѣ; описаніе заучивалось на память, а силы представленія у нихъ не было. И всякій, конечно, можетъ это проверить на самомъ себѣ. Когда человѣкъ доходитъ до совершенно яснаго пониманія предмета, тогда у него возникаетъ объ этомъ предметѣ образное представленіе, тогда оно становится картиннымъ. Такъ Тиндаль говоритъ, что только у того дѣйствительно развиты математическія способности, кто не только понимаетъ логическую связь формулъ, но и инстинктивно чувствуетъ ихъ, для кого одна формула, являясь въ видѣ образнаго представленія, воплощенія математической идеи, составляетъ роковую необходимость при извѣстныхъ условіяхъ, которыя уже сами собою чувствуются. Достигнуть такого картиннаго представленія составляетъ идеальное пониманіе въ каждой отрасли обширнаго круга

наукъ. Самъ Тиндаль, стремясь къ этому идеалу, достигъ совершенства. Его объясненія и описанія до того образны, до такой степени осязательны, что, читая его, невольно увлекаешься и переносишься въ міръ картинныхъ представленій, имъ вызываемыхъ.

Часть этой высшей способности находимъ мы у Лопарей.

„Смотрите-ка, смотрите на горы! Какъ ихъ позолотило! Какъ снѣгъ блеститъ!“

Прямо передъ нашими глазами, далеко на горизонтѣ, рисовалась зубчатая линия вершинъ Хибинскихъ горъ. Онѣ отстояли отъ насъ на 50 верстъ. Воздухъ былъ такъ чистъ, что, не смотря на громадное разстояніе, виднѣлись, темною, черною полосой обрисовывавшіеся на самой подѣ сосновые лѣса, надъ ними скалистые горы, съ рѣзко-очерченными долинами, хребтами, а на верху и по склонамъ блестяль на солнцѣ розоватый снѣгъ.

„Тамъ снѣгу еще вдоволь. Вѣдь въ маѣ мѣсяцѣ на всемъ озерѣ Пмандрѣ ледъ стоитъ; въ половинѣ іюня начинаетъ сходить, — тогда воды-то много! Вотъ за двѣ недѣли еще ледъ былъ, а сегодня, вѣдь, 15-е іюля. Ну, а теперь съ каждымъ днемъ все меньше, да меньше“.

Поэтому-то іюнь и іюль мѣсяцы тутъ самые богатые водой. Снѣга таютъ очень быстро, потому что на горахъ днемъ бываетъ 22—23° Цельсія; камни сильно накаляются; зной сообщается застоившемуся воздуху въ лощинахъ, гдѣ преимущественно залегаютъ снѣгъ. Шумно бѣгутъ ручьи, набухаютъ торфяники на крутыхъ склонахъ горъ. Потомъ разрываются и цѣлые потоки грязной, мутной или ржавой воды, несутся по ложбинамъ, оттуда въ рѣчки и озера, и попадаютъ въ Пмандру, изъ которой бѣшеная Цива въ 3—4 часа доставитъ ихъ въ Бѣлое море.

„Отдохнули, кажется, достаточно. Не съѣздить ли куда-нибудь въ ближайшія окрестности. Сдѣлаемте маленькую экскурсію?“

„Поздно, вѣдь ужъ вечеръ“.

„Хоть близко, куда-нибудь. Я на ночь уѣду!“

„А что, друзья мои, есть у васъ по близости здѣсь тундры, чтобы вершины скалистые были голая, безлѣсная“.

„Есть, какъ же! Тутъ въ семи верстахъ Сырая Тундра. Вся она кругомъ покрыта крупнымъ лѣсомъ, а вершина голая. Тамъ и медвѣди есть, и орлы водятся. На верхушкѣ горы прудокъ небольшой и болото. Оттого-то и зовутъ ее Сырою Тундрой“.

„Поѣдемте же, кто согласенъ? Миронъ, Григорій?“

„Что жъ? Мы согласны!“

И Миронъ Глухой и Григорій Кривой пошли готовить карбась къ поѣздкѣ.

Черезъ полчаса, ровно въ 9 часовъ вечера, мы выѣхали. Было еще совершенно свѣтло, такъ что по дорогѣ забывалось, что надвигается уже ночь, и казалось еще далеко-далеко до полночи.

Путь представлялъ мало интереснаго. Каменистые наволоки, вытянутые узкими грядами вдоль озера, параллельно общей береговой линіи; низкіе, длинные мысы, поросшіе ельникомъ, высокімъ и чахлымъ, вотъ общее впечатлѣніе, производимое монотонными берегами. Изрѣдка попадались кулики-перевозчики, перелетавшіе съ камня на камень, съ однообразнымъ пискливымъ троекратнымъ покрикиваніемъ. Вдали поднимались гагары и полетѣли... Тихо все и мертво кругомъ. Озеро совершенно спокойно, поверхность гладка какъ зеркало. Черными острыми линіями бѣжитъ въ немъ отраженіе проплываемаго нами берега. Тихо кругомъ и спокойно на душѣ и на сердцѣ. Полюю, такъ ли мы далеко отъ родины, отъ своихъ близкихъ?

„А пули съ собою взялъ?“ спрашиваетъ вдругъ Григорій.

„Взялъ. А что такое?“

„Да, видишь ли, баринъ. Оно, можетъ, и ничего не будетъ, а сказывалъ только Потанъ, что пришлось ему быть на Сырой Тундрѣ, и видѣлъ онъ большущаго медвѣдя. Такъ, можетъ случится, если истрѣтится, чтобы не оплошать.“

„Не бойся, Григорій. Вѣдь у меня ружье Федора Дмитрича. Стрѣлять умѣю. Да и слухъ у меня великолѣпный. Особенно въ лѣсу, шорохъ всякій, такъ до тонкости въ ухо самъ бѣжитъ.“

„Ну, смотри, баринъ!“

„Вотъ и пріѣхали.“

Каменистый берегъ весь устланъ громадными валунами, сначала въ полосѣ прибой совершенно голыми, наваленными другъ на друга. безъ прослойки песку и гравія. Дальше тянется моховой покровъ. Но вотъ черезъ три-четыре сажени отъ берега, сразу начинается крутой подъемъ въ гору. Воже, что это за подъемъ. Ни тропинки, ни слѣда человѣческаго. Сначала идутъ крупныя валуны, покрытыя сплошнымъ моховымъ покровомъ. Но сперва полоса ихъ на столько незначительна, что вы совершенно незамѣтно переходите на обыкновенный ровный, крутой склонъ, покрытый довольно толстымъ растительнымъ слоемъ. Подъемъ постепенно становится все круче и круче. Поднявшись сажень на 50, вы замѣчаете, что мѣстность становится опять весьма

неровною. Масса поваленныхъ стволовъ березъ, и сосенъ, которыхъ никто никогда не убираетъ изъ этихъ пустынныхъ областей. Громадные валуны опять горами навалены другъ на друга. Мѣстами они покрыты тонкимъ дерновымъ слоемъ, зарослями брусники и вероняки, но большею частью только толстымъ моховымъ слоемъ, который обмаиваетъ глазъ и ногу путника на каждомъ шагу. Поверхность моховаго покрова довольно ровная, и вы принимаете ее за надежную опору, но въ дѣйствительности валуны такъ неровны, и ихъ раздѣляютъ такія громадные щели и провалы, что вы остаетесь на каждомъ шагу, и потому путь дѣлается особенно утомительнымъ.

Вотъ поднялся справа, изъ густой чащи крупныхъ деревьевъ, громадный горный орелъ и, плавно замахавъ крыльями, поднялся, расправилъ ихъ и началъ парить, постепенно поднимаясь въ поднебесье.

Вотъ уже три, четыре раза присаживались мы чтобы перевести духъ, но еще все далеко до вершины.

Склонъ Сырой Тундры сильно размытъ водой, потому здѣсь образовалось много логовъ; они глубоки, но теперь уже сильно заросли кустарникомъ и даже крупнымъ, преимущественно словинымъ лѣсомъ. Тутъ гнѣздится множество дичи, и куропатки по нѣскольку штукъ, группами, одна за другою съ шумомъ поднимались изъ кустарника. Я зарядилъ ружье и спустился въ логъ.

Масса намытаго мелкаго лѣсу, сучьевъ и листьевъ слеглась въ лежникомъ, образовавъ высокія баррикады. Обыкновенно вода ихъ несла до первой значительной группы елей, которая ихъ задерживала, и тутъ они лежали отъ одного половодья до другаго. Поднявъ накуропатокъ, я подвинулся за ними по логу еще ниже и, нѣсколько увлекшись охотой, бѣгомъ спускался по кучамъ валежника. Такъ набѣжалъ я на большую группу елей, какъ вдругъ за нею раздался сильный порохъ, и что-то массивное поднялось отъ меня шагахъ въ тридцати и опрометью понеслось прочь, внизъ. Это былъ большой бурый медвѣдь. Съ разбѣгу я не могъ сразу остановиться и почти вплотную набѣжалъ на ели. Изъ-за нихъ я ясно увидалъ громадное косматое чудовище, и скажу правду, сердце невольно бкнуло. Рука инстинктивно опустилась въ карманъ, и я моментально перекинулъ патронъ въ ружье, опустивъ въ него пулю. Но эта предосторожность была уже излишняя, медвѣдь былъ далеко. Конечно, и тотчасъ же сталъ подниматься, совершенно забывъ о куропаткахъ.

„Экъ тебя! Вижу бѣжить сломя голову, а передъ нимъ, ну, совсѣмъ носомъ къ носу медвѣдь!“ такъ встрѣтилъ меня Григоріи.

„Мы съ Миროномъ хорошо его разглядѣли. Сперва-то, смотримъ— что это подъ большою едью лежитъ, что-то черное. Ну, съ горы-то подошли краешкомъ поближе, и видимъ медвѣдь. А тутъ и ты-то бѣжишь, да прямо таки на него. А онъ-то какъ испугается, да какъ вскочетъ, да въ прыпрыжку, вскачъ, подъ гору, логомъ дунить и не оглядывается; такой трескъ поднялся“.

„Счастье твое, что самъ ты больно горячъ, такой стукъ поднялъ, да такъ скоро на него набѣжалъ, что онъ сряду и испугался“.

„А что много у васъ тутъ медвѣдей“.

„Много. Да мы ужъ попривыкли къ нимъ. Этого твоего знакомца давно знаемъ. Давно ужъ онъ тутъ живетъ. Большой медвѣдь, старый. Вонъ на Вабинской Имандрѣ, такъ тамъ ихъ два ходитъ. На Хибинныхъ есть“.

Между тѣмъ мы продолжали быстро подвигаться впередъ. Мѣстность стала ровнѣе, лѣсъ видимо мельчалъ, береза преобладала надъ всѣми другими родами деревьевъ. Вотъ кончается подъемъ, и мы выходимъ на ровную поверхность. Но это еще не самая вершина. Прямо передъ нами растилается широкая болотистая долина, покрытая моховымъ слоемъ. Вправо лежитъ небольшое озерко, изъ котораго вытекаетъ ручей, струящійся черезъ все болотцо и впадающій въ одинъ изъ многихъ логовъ. За этою долиною поднимается высокая отвѣсная стѣна, на двѣ-три сажени до перваго уступа и затѣмъ еще сажени ва три. Вся она сложена изъ гранулита, массивной плотной породы, въ изобиліи наполненной недѣлимыми граната. Поискавъ вѣскольکو правѣе, находимъ подъемную тропинку (конечно, воображаемую). Тутъ мѣстность начинаетъ быстро измѣняться. Растительность почти совершенно исчезаетъ, изрѣдка только разбросаны одиночныя, корявыя березы, не выше двухъ сажень; отдѣльными пятнами лежитъ на камняхъ моховой и лишайниковый покровъ. Валунновъ уже не видно, а вмѣсто нихъ масса мелкаго гравіа и особенно остроугольнаго щебня, составленнаго изъ обломковъ того же самаго гранулита. Онъ разбросанъ неправильно, цѣлымъ, почти непрерывнымъ слоемъ. Нигдѣ не видно продольныхъ валовъ или кучъ, напоминающихъ морены. Съ четверть часа приходится идти по такому щебню. Замѣчается, что подъ нимъ поверхность очень ровная, не изрытая ложбинами или логоми. Наконецъ, вотъ и самая вершина. Она совершенно голая. Наверху довольно большая площадка, сажень трид-

пять въ длину и двадцать въ ширину. Всѣ склоны круты, только обращенный на сторону, противоположную озеру, положе другихъ. Первое дѣло, конечно, опредѣлить высоту: оказывается приблизительно 270 метровъ или 885,6 футъ надъ поверхностью озера, или абсолютная высота 380 метровъ.

Не смотря на позднее время и на значительность широты, подѣ которую я находился, было еще тепло. Былъ одиннадцатый часъ въ исходѣ, а термометръ Цельсія показывалъ 10°. (Широта Сырой Тундры 67°30', то-есть, она лежитъ на одинъ градусъ сѣвернѣе полярнаго круга). Въ двѣнадцать часовъ ночи термометръ упалъ только до 9,4₀ по Цельсію. Это меня удивило: быть за полярнымъ кругомъ на такой значительной высотѣ (ровно четверть версты надъ озеромъ и около одной трети версты абсолютныхъ), недалеко отъ снѣговыхъ горъ, и имѣть ночью, температуру обычную для этого времени въ Петербургѣ, Москвѣ и т. д.

Поверхность вершины горы совершенно гладко обточена; тутъ мы находимъ отличное доказательство того, что дѣятель, производившій это сглаживаніе, обладалъ громадною силою и громаднымъ промежуткомъ времени. А именно: на поверхности вершины выходятъ нѣсколько жилъ полеваго шпата и кварца, значительно болѣе крупныхъ, чѣмъ сама основная порода. А сточены они совершенно вровень, безразлично, что ясно указываетъ, что это стачиваніе нельзя приписать дѣятельности воды. Затѣмъ на поверхности можно ясно замѣтить нѣсколько глубокихъ, параллельныхъ желобовъ: они проточены камнями, вмерзшими въ глетчеръ. Слѣдовательно, мы и здѣсь, на этой громадной высотѣ, находимъ слѣды ледниковаго покрова.

Между тѣмъ поднялся довольно сильный холодный вѣтеръ, дувшій прямо съ Хибинныхъ горъ. Мы разложили костеръ. Что за волшебный видъ представляли эти снѣжныя горы, закутанныя толстымъ слоемъ облаковъ, которые сползали внизъ и бѣлыми волнистымъ, туманнымъ моремъ ложились на озеро. Кое-гдѣ сквозили, точно щuki, длинныя узкіе острова, параллельно вытянувшіеся вдоль озера.

Замѣчательна эта правильность. Каждый островъ имѣетъ длинную форму, два берега его параллельны между собою и съ берегомъ озера. Цѣлый рядъ такихъ топкихъ, узкихъ острововъ вытянулся вдоль берега; они составляютъ какъ бы одинъ прибрежный каменистый валъ, насыпанный параллельно берегу, для его

защиты; мѣстами сквозь него прорвалась вода и остались проливы, какъ въ прорванной плотинѣ. Мѣстами точно цѣлые ряды траншей воздвигнуты для защиты берега. Вотъ въ серединѣ озера черный, длинный островъ, заросшій лѣсомъ, это Савъ—островъ, вотъ лѣвѣе, повыше длинный островъ, на которомъ, точно куполь, поднимается лѣсистая коническая шапка, это Высокій островъ. Нѣсколько правѣе группа мелкихъ острововъ — Ловушкинскіе острова. Всѣ они, точно щуки гонятся за добычей, всѣ смотрятъ въ одну сторону, одинъ островокъ въ хвостъ другому. Но повернемтесь на лѣво, на сѣверо-западъ, и вы увидите продолженіе воднаго бассейна; это заливъ, носящій названіе Бабинской Имандры. Тутъ тоже ряды острововъ, такихъ же вытянутыхъ, такихъ же лѣсистыхъ.

Вдругъ кто-то тихонько дернулъ меня за рукавъ. Это былъ Глухой Миронъ. Онъ осторожно указывалъ мнѣ на край ближайшей скалы, на которомъ красовалась живописная группа. Небольшая краснобурая важенка, то-есть, самка оленя, съ пѣгимъ пыжикомъ, дѣтенышемъ, стояли надъ самымъ обрывомъ. Она собрала свои ноги такъ, что они умѣщались на маленькой площадкѣ, вытянула шею и видимо была на сторожѣ. Пыжикъ жался къ ея брюху.

„Смотри, баринъ, маху не давай!“ съ какою-то странною усмѣшкой сказалъ Григорій, видя какъ я невольно схватился за ружье.

Я приложился, выстрѣлилъ... Обѣ фигуры моментально скрылись за утесомъ.

„Конечно, мимо даль. Да развѣ и можно стрѣлять. Вѣдь это Павковскіе олени“.

„Какъ, это домашніе!“ воскликнулъ я съ разочарованіемъ.

„Ну да! Это Павковъ сюда своихъ оленей пригоняетъ изъ подъ Кандадакши“.

„Что же ты раньше не сказалъ! Я бы и стрѣлять не сталъ“.

„Да развѣ можно туда твоею пулей попасть. Я хоть сейчасъ стану, стрѣляй“.

„Вѣдь туда шаговъ полтораста, не больше“.

„Эхъ, баринъ, Видно, что ты здѣсь вновь. Первое дѣло утро, туманъ улегся; воздухъ чистый, пречистый. Второе, ты вѣдь на большой горѣ, а здѣсь воздухъ гораздо чище. Третье дѣло, что съ горы на гору всегда ближе кажетъ, а на низкую гору еще того ближе. Вѣдь на эту горушку отсюда шаговъ триста, а можетъ, четыреста

будеть. Вотъ съ берданки бы хватилъ такъ и втрое достать можно. А то выдумалъ тоже съ такой пицалью да на охоту идти!

Я невольно соглашался съ Григоріемъ. Всѣ Лопари знатоки охотничьяго дѣла и всего до него касающагося. Услышавъ первый выстрѣлъ берданки, они по звуку рѣшили, что она „страсть далеко беретъ“. Надъ мной револьверомъ сперва посмѣялись, а когда я, попрактиковавшись дня три, на Хибинныхъ¹ горахъ, семь пуль изъ десяти, вогналъ въ кружокъ, въ двѣ ладони величиной, на разстояніи двадцати пяти шаговъ, тогда они и съ нимъ помирились и разсматривали съ удовольствіемъ и любопытствомъ эту диковинку. „Маленькое ружье, или „ливальверъ“, какъ нѣкоторые изъ нихъ выучились его называть, доставлялъ имъ громадное наслажденіе. Такое же удовольствіе доставлялъ имъ и мой спутникъ своею мѣткою стрѣльбой въ лѣтъ, когда на берегу Имандры, стоя за лопарскою вежей (избушкой), онъ убивалъ случайно налетѣвшую клупу; при крикѣ той налетали повня, и одну за другою сражали мѣткіе выстрѣлы „на вскидку“, какъ говорили Лопари, и одна за другою падали они въ воду, сильно шлепаясь тѣлами о гладь воды, поднимая брызги ея и восторги зрителей. Они готовы бы были цѣлые часы, дни и недѣли проводить въ этой невинной забавѣ.

Этотъ эпизодъ съ важенкой и пыжикомъ очень оживилъ Лопарей, и они тотчасъ же начали не скончаемую серію разказовъ про свои охотничьи походы. Они разказывали, какъ ловятъ оленей петлей. Олени обыкновенно бѣгаютъ, все одною уже давно проторенною тропинкой. Оленя выслѣживаютъ легче всего у озера. Тутъ, въ лѣсу, обыкновенно въ густой чащѣ, ставятъ ему западню; а именно—срубляютъ молоденькую сосенку, толщиною въ руку, и кладутъ ее поперекъ тропинки на высотѣ груди оленя такъ, чтобъ онъ могъ принять ее за свалившееся отъ бури деревцо. Понятно, при легкомъ и быстромъ бѣгѣ, олень наткнется на такое препятствіе и тотчасъ же останавливается. Если чутье не откроетъ тутъ ему ничего подозрительнаго, то онъ напираетъ грудью, или обыкновенно отступаетъ и съ разбѣгу беретъ препятствіе, но ни за что не сворачиваетъ съ своей тропинки. Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ и пользуются. Къ перекладывающей, преграждающей тропинку, прикрѣпляютъ толстую бичеву, захлестнутую выше петлей такъ, чтобы голова оленя приплась въ ея средину. Тутъ употребляются различныя приемы: или верхушка соседней березы сгибается силою внизъ, и къ пей прикрѣпляется живой конецъ петли, или онъ закрѣпляется накрѣпко. Въ первомъ

случаѣ защелкой, сдерживающею силу упругости согнутой березы, служить таже самая перекладина. Тогда дѣло просто: олень съ разбѣгу ломаетъ препятствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приводитъ въ дѣйствіе березовую пружину, петли захлестывается, и чѣмъ сильнѣе бьется олень, тѣмъ крѣпче душитъ его мертвая петля.

Часто Лопари ловятъ оленя и западними — ямами, которыя они нарочно роютъ на его пути; такая яма тщательно задѣлывается и забрасывается хворостомъ. Но этотъ способъ кропотливѣе, и первый нравится имъ по той сложности комбинацій, по тому остроумію, которое нужно было для его изобрѣтенія.

Отдохнувъ на вершинѣ, у погасающаго уже костра, и еще разъ провѣривъ свои барометрическія и геологическія компасныя измѣренія, мы стали спускаться. Была половина втораго, а между тѣмъ уже совершенно свѣтло, и вершины Хибинскихъ горъ позолотились уже первыми лучами солнечнаго восхода. Вотъ ярко багровымъ отблескъ голыхъ скалъ смѣняется пѣжно пурпуровымъ оттѣнкомъ весеннихъ снѣговъ, еще залежавшихся на этихъ сумрачныхъ, изрѣзанныхъ вершинахъ. Какъ-то все выше поднимаются они, по мѣрѣ того, какъ мы опускаемся; вотъ и опушка лѣса; за сумрачными, сѣдыми отъ лишайниковъ, деревьями его скрываются Хибинныя горы, и мы погружаемся въ сырой полумракъ хвойнаго лѣса, провожающаго насъ до самаго уровня воды. Черезъ часъ мы и дома и мирно отдыхаемъ, точно послѣ прогулки по Крестовскому острову.

Человѣкъ долженъ приспособиться ко всему. Если онъ приспособится то выживетъ, если нѣтъ — пропадетъ. Такъ приходилось и намъ приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ, къ мѣстной безкормицѣ. Бросивъ всю свою провизію въ Кацдалакшѣ, вслѣдствіе невозможности перевозить и перепосить лишніе пять пудовъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ отказались отъ обезпеченія себя въ пищѣ.

Всѣ крупы, консервы и проч. были покинуты; взять былъ съ собою черный сушеный хлѣбъ. Мы надѣялись доставать что-либо у Лопарей, но они преимущественно ѣли провяленную, полугнилую рыбу, отъ одного запаха которой насъ тошнило. Поэтому каждый день у насъ бывалъ импровизованный обѣдъ или завтракъ. Какъ рѣдкость, при удачной охотѣ, мы лакомились горными куропатками, тетеревами, конечно вареными, за неимѣніемъ масла. Завтракъ состоялъ часто изъ жареной кумжи, то-есть, крупной мѣстной форели. За немъ каждое утро посылали мы Лопарей, которые на лодкахъ спускались

въ Ниву, до первой „печки“, то-есть, стремнины, и укрѣпившись тамъ въ камняхъ, на наживку ловили эту прелестную розовую рыбу.

Кумжа достигаетъ одного аршина длины. Держится она исключительно въ стремнинахъ рѣкъ и въ мелкихъ горныхъ потокахъ, въ самой бѣшеной пѣнѣ. Чудное розовое мясо ея такъ жирно, что Лопари жарятъ ее въ собственномъ жиру. Для этого рыбу протыкаютъ насквозь, вдоль ото рта до хвоста тонкимъ прутомъ; буюхо надрѣзываютъ, потрошатъ, а затѣмъ дѣлаютъ надрѣзы; она жарится на колышкѣ, какъ на вертелѣ, надъ горячемъ золой догорѣвшаго костра. Ее при этомъ сильно солятъ. Чрезвычайно толстое, сладкое, жирное мясо сильно прожаривается, такъ что снаружи хруститъ, какъ сухарь, и только внутри остается сочнымъ. Какъ мясо свѣжей семги, такъ и кумжи прелестно на первый разъ, и пожалуй на второй; на третій и четвертый оно хорошо, вкусно, но вы находите его приторнымъ. Затѣмъ оно уже вамъ противно, именно потому, что оно слишкомъ сладко и жирно.

При обѣдѣ и завтракѣ невзбѣженъ чай. Но тутъ, необходима особая спаровка при питьѣ его. Комары такъ надоѣдливо лѣзутъ намъ въ ротъ, глаза и стаканъ съ чаемъ, что вы невольно глотаете комариною настойку. Летая надъ самымъ стаканомъ, они обжигаются паромъ и падаютъ въ чай. Такъ какъ ихъ летаетъ несмѣтное количество, то вся поверхность чая въ стаканѣ сплошь покрыта комарами. Спаровка состоитъ именно въ томъ, чтобы, поднявъ стаканъ къ губамъ, наклонить его прочь отъ себя, дунуть на поверхность, смахнувъ вмѣстѣ съ верхнимъ слоемъ чаю и всѣхъ комаровъ, быстро глотнуть, затѣмъ повторить ту же процедуру и т. д. Иногда вмѣсто чаю удалось полакомиться какао, которое сохранилось въ сухожѣ видѣ, а молоко для него въ консервахъ. Странное впечатлѣніе производило такое лакомство на берегахъ Имаандры, тамъ, гдѣ нельзя получить и куска хлѣба, такъ какъ нѣтъ селеній. Нашъ главный запасъ пища, какъ я сказалъ, состоялъ изъ черныхъ сухарей. Но увы, и эта убогая пища на первыхъ же порахъ испортилась. Сухари были сложены въ два мѣшка по пуду въ каждомъ. Еще при переправѣ черезъ Ниву они подмокли, затѣмъ во вторую нашу ночевку на Зашейкѣ пель сильный дождь, отъ котораго мѣшки наши, конечно, были покрыты брезентомъ, но такъ какъ дождь былъ сильный, то рядыня лужи подтекли снизу, и въ концѣ концовъ мѣшки вымокли. Затѣмъ ихъ просушили, они вымокли вторично и за нашимъ отсутствіемъ пролежали закрытыми на солнцѣ.

сухари насквозь проплесневѣли, и можно было съ полною утѣренностью, разламывая любой сухарь, найдти внутри его большое гнѣздо зеленой, питчатой, волокнистой плесени.

Запеекъ, то-есть, южный берегъ Имандры, на которомъ мы провели пять дней, не представляетъ собою въ сущности особенно живописнаго мѣста. Видъ оттуда прекрасенъ; самая же полоса южнаго берега составляетъ сельгу, вытянутую съ востока на западъ. Сельгой называется на сѣверѣ каменная гряда, длинная и узкая, поросшая обыкновенно лѣсомъ. Мнѣ не приходилось видѣть мѣстности болѣе типичной въ смыслѣ сельги, какъ дорога на сѣверъ отъ Повѣнца до Телекина. Особенная типичность ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ всегда длинны, совершенно прямы и строго параллельны одиѣ другимъ. Такъ, въ указанной мѣстности приходится ѣхать версты три-четыре по совершенно прямой линіи такъ, что справа и слѣва отъ васъ на разстояніи трехъ-четырехъ сажень стоитъ вода; дорога идетъ по сельгѣ на высотѣ полутора или двухъ сажень. А рядомъ справа и слѣва буквально фотографическіе снимки съ этой сельги. Очень оригинально, характерно, но и однообразно. Откуда эта законность? Гдѣ причина всего этого? Я полагаю, что самъ читатель дастъ отвѣтъ: ледниковое выпахиваніе, телескопическое борожденіе.

Сельга, которая составляетъ берегъ Имандры и вмѣстѣ съ тѣмъ упирается острымъ концомъ въ мѣсто выхода рѣки Нивы изъ озера, поросла лѣсомъ. Она поднимается на высоту до двухъ сажень, при ширинѣ въ пять или шесть и длинѣ во сто. Лѣсъ состоитъ изъ невысокихъ трехъ и четырехсаженныхъ сосенъ и елей. Удаляясь болѣе на востокъ, мы можемъ слѣдить за постепеннымъ увеличеніемъ лѣса; деревья все крупнѣе, мѣстность понижается, попадаются низко-холмистыя лужайки, поросшія тысячелистникомъ, мамурой, костяницей; къ удивленію моему, здѣсь же нашелъ я три великолѣпные экземпляра краснаго клевера. Самый берегъ здѣсь скалистый и составленъ выходами краснаго гранита. Далѣе мѣстность еще понижается и переходитъ въ болото, поросшее пушицей, сабельникомъ и по окраинамъ особенно обильно корнусомъ (*Cornus suecica*), интереснымъ здѣсь въ томъ отношеніи, что черѣдко изъ середины цвѣтка его начинается снова ростъ листо-стебельный побѣгъ. Растительность здѣсь вообще весьма разнообразна, благодаря чему у меня легко составилась довольно значительная гербарій.

Въ Ильинъ день я отправился дальше. Мой спутникъ остался на мѣстѣ. Этотъ переѣздъ интересенъ, а потому я остановлюсь на немъ

нѣсколько долѣе. Отправились мы, конечно, на карбасѣ; я взялъ съ собою зуйка Илью и двухъ Лопарей гребцами. Чудная погода, совершенная тишина и теплый солнечный день обѣщали пріятный переѣздъ. Сложивъ свои пожитки въ средину лодки, на дно, и накрывъ ихъ брезентомъ, я расположился на нихъ, какъ на диванѣ. Чтобы не терять времени, срисовывалъ виды и записывалъ свои наблюденія. Между прочимъ Лопари сообщали мнѣ мѣстныя названія острововъ, ѱсовъ, заливовъ и рѣчекъ, встрѣчавшихся намъ на пути, по обимъ берегамъ озера Имандры. Ихъ такая масса, что только одинъ перечень ихъ занимаетъ у меня въ дневникѣ 26 страницъ убористаго письма. Это даетъ понятіе читателю до какой степени изрѣзаны берега этого громаднаго озера, и какая масса острововъ раскинута по его поверхности. А между тѣмъ посмотрите на карту, и вы увидите только однѣ ровныя линіи и только два острова—Славъ островъ и Высокій, тогда какъ крупныхъ острововъ, здѣсь съ полсотни.

По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ Зашейка, все болѣе выискилось очертаніе южнаго берега. Далѣе назади стояли высокія тундры — Волосная, Желѣзная, Крестовая, сосѣди Кандалакши. Вотъ налѣво обозначается попемногу и знакомая намъ Сырая Тундра, Сары-Уайвичъ по лопски. Около нея глубоко врѣзающаяся въ материкъ Губа-Сары-лухтъ, съ сильно выдающимся Кари-нъяркомѣ или Кариннымъ наволокомъ. Когда мы были отъ нея въ трехъ или четырехъ верстахъ, то ея очертанія такъ выяснились со всѣми деталями, логами, лѣсами, скалистыми площадками, что мнѣ удалось сдѣлать съ нея весьма удачный снимокъ. Общій видъ ея не представляетъ ничего особеннаго. Она совершенно гармонируетъ съ общимъ характеромъ мѣстности. Все на ней сглажено. Вершина закругленная, обточенная, голая; рѣзкихъ и глубокихъ логовъ нѣтъ, тогда какъ сосѣднія Хибинны тундры имѣютъ рѣзко-зубчатыя вершины.

Мы подвигались медленно, на веслахъ. Вода была замѣчательно чиста, и мѣстами, когда мы проходили близъ наволоковъ, ясно виднѣлось каменистое крупновалунное дно. Было совершенно тихо и рыба играла на солнцѣ, дѣлая безпрестанно круги на водѣ.

— Не ко времени выѣхали, сумрачно замѣтилъ Лопарь.

— А что? Вѣдь погода хорошая?

— Хорошая-то, хорошая. А посмотри-ка на рыбу, какъ она играетъ. Гавѣ къ хорошей погодѣ она такъ рѣзвится? Да сегодня еще и

Ильинъ день. Да и тихо что-то. Мертво-тихо! По нашему, такъ быть морянкѣ“.

„Ege! Смотри-ка, вотъ и буревѣстники влетѣли“.

Это показалось пѣсколко моевныхъ чаекъ и крупныхъ клушъ, которыя стали кружиться въ воздухѣ и кувыркаясь бросались въ воду или только скользили по водѣ, касаясь ея крыльями. Это, дѣйствительно, былъ очень дурной признакъ. И я по опыту знаю, что обитателямъ воздуха — птицамъ и насѣкомымъ, какъ чисто воздушнымъ твореніямъ, слѣдуетъ вполне довѣряться въ ихъ предвѣдѣніи погоды.

Но мы спокойно продолжали свой путь, и пока не было еще ни малѣйшаго вѣтерка. Мы доѣхали такимъ образомъ до Еловаго наволока, узкой скалистой косы, на которой стоитъ маленькая вѣжа. Въ ней едва можно помѣститься вдвоемъ. Поэтому я предоставилъ ее Лопарямъ, а самъ остался на берегу. Вдали показалась черная рыба на поверхности воды. Она быстро пронеслась къ намъ, и скоро внезапный, сильный порывъ вѣтра ударилъ по деревьямъ: это былъ суровый сѣверный вѣтеръ, морянка. Намъ оставалось еще двѣнадцать верстъ; одиннадцать мы уже проѣхали. Между тѣмъ Лопари жаловались на усталость, просили отдыха. Они разложили костеръ въ маленькой вѣжѣ и варили похлебку изъ вяленой, полупротухшей рыбы. Въ виду такой ожидавшейся впереди трапезы, имъ не хотѣлось торопиться, и мнѣ пришлось ждать, тѣмъ болѣе что я сознавалъ необходимость для нихъ отдыха.

Когда мы отчалили отъ островка, то волненіе разыгралось уже не на шутку, и грестъ было дѣйствительно трудно. Сразу, сирава и слѣва, съ нагорныхъ вершинъ надвинулись черныя тучи, потомъ урывками стали набѣгать разорванные сизоватые клочки облаковъ, которые такъ низко проносились надъ нашими головами, что, казалось, задѣвали ихъ своими свисающими хлопьями. Озеро почернѣло, и мѣстами по немъ забѣгали зайчики. Вѣтеръ отдѣльными порывами набѣгалъ на насъ и съ страшною силой разбивалъ волны о нашъ карбасъ, который поминутно обдавался брызгами и пѣной. Крупныя капли, одна за другою, застучали по водной поверхности и по карбасу. Сперва рѣдко, потомъ все чаще и чаще заканалъ дождь, а тамъ вдругъ, съ новымъ порывомъ вѣтра, сразу ударилъ такой страшный ливень, какого я не запомню въ своей жизни. Кругомъ стемнѣло, какъ ночью. Это былъ страшный ливень, который заслонялъ свѣтъ. Всякій сѣверянинъ знаетъ, что такое морянка; съ нею шутить нельзя. Не про-

шло и десяти минутъ послѣ первыхъ дождевыхъ капель, какъ разглась настоящая буря, съ холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ, съ которыми намъ приходилось къ тому же бороться, такъ какъ онъ дулъ намъ прямо на встрѣчу. Поднялась килевая качка; волны обдавали всю лодку и переклестывали черезъ носъ, перелетая даже на корму. Съ каждымъ порывомъ вѣтра, со свистомъ и ливнемъ, падавшимъ на насъ, лодку поворачивало бокомъ, метало со стороны въ сторону, и волны заливали насъ. Не было силъ бороться съ ураганомъ. Я сидѣлъ на кормѣ и вслѣдомъ правилъ лодкой. Но она почти вовсе не слушалась руля. Волны били съ такою силой, что, казалось, разсвирѣпѣвшее озеро хотѣло погубить насъ но что бы то ни стало. Ливень былъ такъ силенъ, что набѣгавшіе порывы вѣтра хлестали въ насъ дождевыми каплями, точно свинцовыми дробинками. Поверхность озера полосами рябилась и чернѣла, а самыя капли отскакивали отъ поверхности воды.

Наконецъ, мы всѣ совершенно выбились изъ силъ. Отъ сильнаго напряженія мускулы ложило такъ, что начинало тошнить. Лодка до половины была залита водой. Всѣ мы и не думали скрываться отъ ливня; поэтому, хотя на мнѣ и былъ надѣтъ резиновый макинтошъ, но уже давно холодная струйка воды затекла за воротникъ и теперь вода съ промокшихъ волосъ струилась по спинѣ. Все это, конечно, не придавало особенной бодрости, но за то понуждало къ лихорадочной дѣятельности. Гребцы бросили весла на какія-нибудь пять минутъ, чтобы перевести дыханіе и затѣмъ съ новою энергіей принялись за работу. Еще прошло съ полчаса, и наконецъ мы достигли какой-то каменной гряды, за которою отгораживалась спокойная лагуна. Конечно, мы воспользовались этимъ пристанищемъ и пробыли тамъ около часу. Это былъ Желѣзный паволокъ—высокая, отвѣсная стѣна, сложенная изъ очень крупныхъ валуновъ. Когда волненіе нѣсколько затихло, мы пробрались къ дѣли нашего путешествія—Токостровской станціи.

II. Вудряицевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXXXII.

1884.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъячская, № 1.

1884.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.	33
В. В. Вобининъ. Состояніе математическихъ знаній въ Россіи до XVI вѣка	183
Н. В. Будряицевъ. Русская Лапландія. III—IV (окончаніе)	210
Н. М. Влгоградскій. Третья сатира Ювенала.	242

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

О. И. Успенскій. Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ Языа Антіохійскаго. Барона В. Р. Розена. С.-Пб. 1883.	284
А. М. Позднѣвъ. Третье путешествіе по центральной Азіи. Н. М. Пржевальскаго. С.-Пб. 1883.	316
Н. И. Петровъ. Русскій проповѣдникъ XVII вѣка. Г. Яковлева. С.-Пб. 1883—Перодіаковъ Дамаскинъ. Его же. С.-Пб. 1883.	350
Б. Я. Гротъ. Историческій институтъ при Вѣнскомъ университетѣ	83
Г. А. Л—скій. Въ вопросу объ улучшеніи преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ	104
— Наша учебная литература (разборъ 13 книгъ)	187

ОБРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорское Русское Географическое Общество въ 1882 г.	33
— Императорское Одесское Общество исторіи и древностей въ 1883 году	43
— Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній.	47

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Э. Л. Радловъ. Этика Аристотеля. I.	67
Д. Н. Корольковъ. Новыя раскопки въ Елевоннѣ (съ планомъ)	88

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія (продолженіе)	121
--	-----

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го апрѣля).

РУССКАЯ ЛАПЛАНДІЯ¹⁾.

III.

Прямо отъ Іокострова можно проѣхать къ интереснѣйшему пункту на Кольскомъ полуостровѣ—громадному плато, носящему названіе Хибинныхъ тундръ. Горы эти тянутся вдоль восточнаго берега Имандры, на протяженіи около сорока верстъ. Въ глубь материка они заходятъ мѣстами до пятидесяти, и даже шестидесяти верстъ, по показанію Лопарей. Принявъ за среднее первыя числа, мы получимъ для всего плато величину въ 2000—квадратныхъ верстъ. Одинъ изъ высочайшихъ прибрежныхъ пунктовъ Хибинныхъ тундръ, Высокій мысъ, поднимается на высоту 910 метровъ, но далѣе есть отдѣльныя вершины, поднимающіяся еще выше. На этихъ высотахъ залегаеъ снѣгъ, который остается въ нагорныхъ логовинахъ даже до конца іюля или начала августа, то-есть, почти до новаго снѣга, выпадающаго въ Колѣ около 20-го августа. Таяніе этого снѣга даетъ матеріалъ для образованія массы ручейковъ и рѣчекъ, которые весьма оживляютъ эти дикіе горные утесы.

У подножія горъ, на самомъ берегу, стоитъ станціонная изба, въ которой я прожилъ цѣлую недѣлю. Все это мѣсто носить названіе Высокаго мыса. Островокъ, лежащій по срединѣ озера, противъ названнаго мыса, носитъ то же наименованіе,—верстъ 6—7 въ окружности. Нѣсколько правѣе островка, то-есть, къ сѣверу отъ него, находится самое глубокое мѣсто озера. Здѣсь я дѣлалъ промѣри и мѣстами не досталъ дна двадцатипяти-саженною веревкой. Прямо противъ

---

¹⁾ Окончаніе см. мартовскую книжку *Ж. М. И. Пр.* за текущій годъ.

Хибинныхъ тундръ, на противоположномъ берегу, поднимаются Чауны тундры, которыя еще выше, но пробраться къ нимъ нѣтъ возможности, такъ какъ онѣ отдѣлены отъ озера широкою, болотистою полосой. Вершины ихъ сплошь покрыты снѣгомъ.

Стоитъ нарочно отъѣхать отъ берега на лодкѣ, на середину озера, правѣ Высокаго острова, и полюбоваться горами. Прямо передъ вами тянется въ гору ущелье, разбивающее плато на двѣ части. Это ущелье носитъ у Лопарей характерное названіе—„Двери“. За нимъ открывается глубокая и широкая долина, по которой протекаетъ Гольцовъ ручей. Направо отъ Дверей поднимается Высокій мисъ, налѣво—Гребень-утесистыя горы. Между ними Шестимисный логъ, по которому ходили какія-то фантастическія существа—шиши; преданіе о нихъ живетъ до сихъ поръ и весной и осенью Лопари ни за что не пойдутъ къ вечеру этимъ логомъ. Верхній конецъ этого лога суживается въ ущелье и называется Дверьми. Такъ какъ оно сжато съ боковъ отвѣсными утесами, которые постепенно разрушаются, то все ущелье завалено горами крупныхъ обломковъ скалъ. Поэтому Лопари зовутъ это мѣсто „щельемъ“, такъ какъ приходится пробиваться по щелямъ, оставшимся среди этихъ громадныхъ глыбъ.

Для того, чтобы ясно представить себѣ форму береговыхъ утесовъ Хибинныхъ горъ, вообразите себѣ громадную каменную стѣну, мѣстами ровную, мѣстами зубчатую или даже обваливающуюся. Отъ самой вершины ея тянутся внизъ параллельныя каменныя гряды такой формы, что самыя гряды выпуклы кверху, а желоба между ними въ разрѣзѣ представили бы острый уголь, повернутый вершиной внизъ. Между основаніемъ горъ и собственно береговою полосой тянутся высокія, сплошныя, каменныя гряды, сложенныя изъ очень крупныхъ валуновъ обточенныхъ, обкатанныхъ, круглыхъ. Тутъ нѣтъ ни песку, ни щебня; доказательство того, что здѣсь долго работала вода, на значительной высотѣ. Вслѣдствіе многихъ фактовъ, необходимо допустить, что вся эта мѣстность когда-то была покрыта водой на высоту до 200 метровъ (955') или, что все равно, материкъ былъ въ то время на ту же высоту ниже и съ тѣхъ поръ поднялся.

Общій характеръ Хибинныхъ тундръ, масса въ нихъ громадныхъ, сильно развитыхъ „roches moutonnées“ („бараньихъ лбовъ“), ущелья въ горахъ съ выпуклыми стѣнками, которыя внизу круче, наверху отложе, общее телескопическое борожденіе, масса ледниковыхъ шрамовъ, бороздъ и царапинъ (на Высокомъ островѣ), закругленность всѣхъ вершинъ, до извѣстной высоты, все это приводитъ къ убѣж-

денію; что здѣсь мощно были развиты глетчеры. Наконецъ, громадныя морены, всюду параллельныя, общая географія мѣстности, (косы, мысы, губы, заливы, острова, озера), все вытянуто въ одномъ направленіи; борозды и шрамы повторяются одинаково сильно на различныхъ высотахъ (на вершинѣ Сырой тундры и на Высокомъ островѣ); все свидѣтельствуетъ въ пользу того, что не большому распространенію ледниковаго моря съ плавающими айсбергами, а именно громаднымъ материковымъ ледникамъ надо приписать всѣ эти явленія.

На противоположномъ берегу Имандры, какъ разъ прямо противъ Хибинскихъ тундръ, тянутся длинною цѣпью громадныя Чауны или Чуны тундры. Онѣ подходятъ къ самому Юкоострову и простираются слѣдовательно, на большее разстояніе, нежели Хибинныя тундры. Вообще, и площадь ихъ гораздо значительнѣе, и высота больше. Вершины почти сплошь были покрыты снѣгомъ. Въ Чунахъ замѣчаются тѣ же общія черты, что и въ Хибинскихъ горахъ. Тѣ же закругленныя вершины, то же телескопическое борожденіе смежной мѣстности. Но что нѣсколько отличаетъ ихъ отъ Хибинскихъ, это то, что Хибинныя тундры представляютъ одинъ массивъ, разбитый узкими, неглубокими и сравнительно небольшими логами, тогда какъ Чауны-тундры явственно состоятъ изъ трехъ параллельныхъ цѣпей горъ, изъ которыхъ каждая распадается на группы. Относительно того, что онѣ выше, я сужу изъ того факта, что въ то время, какъ на Хибинскихъ горахъ весь почти снѣгъ стаялъ, на Чауно-тундрахъ онъ лежалъ еще сплошною пеленою. Отъ него масса талой воды стекаетъ къ подножію и образуетъ обширное болотное пространство, тянущееся вдоль всего берега.

Странно то, что оба громадные залива Имандры—Вити- и Монча-губы, исходятъ отъ подножія Чауны-тундръ. Изъ нихъ Монча-губа далеко врѣзывается въ материкъ, болѣе 20 верстъ; она очень узка и глубока, тогда какъ со стороны Хибинскихъ тундръ мы не находимъ ни одного, хотя бы и незначительнаго залива. Напротивъ, этотъ берегъ отличается своею крутизной и прямизной.

Давно уже меня интересовало провѣрить карты этой мѣсти ости, изданныя главнымъ штабомъ. Случай представился, и не могло быть ничего лучше, какъ подняться на громадную высоту. Высокаго мыса, откуда вся орографія мѣстности представилась бы какъ на ладони. Я уже нѣсколько разъ срисовывалъ виды съ высотъ, а потому и здѣсь рассчитывалъ спать видѣ à vol d'oiseau. Въ одно прелестное, но жаркое утро мы собрались двумя компаніями. Мой спутникъ съ двумя

проводниками отправился въ горы, на охоту! Мы съ кривыми Григоріемъ намѣревался взойти на вершину горы и опредѣлить ея высоту.

— Не дойти только намъ съ тобой, баринъ! такъ сразу началъ сопровождавшій меня Лопарь.

— Отчего? Развѣ непроходимо?.

— Нѣтъ! Оно, положимъ, болотъ нѣтъ. Да тяжело. Провалы глубокіе. Темъ, дикое мѣсто, камень на камень, страсть!

— А что, бывалъ кто-нибудь въ здѣшнихъ мѣстахъ?.

— Годовъ тому нѣсколько будетъ; былъ здѣсь одинъ Англичанинъ. Сперва-то порато-шибко взялся онъ идти. Ну, да, за то и угомонился шибко. Дошелъ онъ только до самаго начала Медвѣжьяго лога, да и сѣлъ. Вынулъ книжку, да давай рисовать. Потомъ посмотритъ, да пишетъ, опять посмотритъ и опять пишетъ. Долго сидѣлъ, все писалъ. Потомъ спрашиваетъ: очень, моль, далеко на верхъ?—Очень далеко, говоримъ.—А тяжело идти?—Да на рукахъ лѣзть придется, говоримъ. Ну и испугался. Такъ и обернули мы назадъ. Нечего говорить, трудно идти, заключилъ свою рѣчь Григорій.

— Что же, это тотъ самый, что Мирона срисовывалъ?.

— Да, тотъ самый!.

Во время этого разговора, мы по немногу поднимались въ горы; удаляясь все время отъ озера, по направленію прямо перпендикулярному къ направленію берега. Подъемъ становился все круче. Мы шли крупнымъ и довольно частымъ сосновымъ лѣсомъ. Сосна тутъ особенная, толстый стволъ ея прямою колонной поднимается вверхъ, совершенно не пуская сучьевъ. Только на самой вершинѣ, на высотѣ 60, 70 и даже 80 футовъ, стволъ, главная колонна вѣтвится на три или четыре толстые сучка, составляющіе густую кроуну дерева. Громадныя голыя колонны этихъ красноватыхъ стволовъ, толщиной въ обхватъ въ два метра слишкомъ, производятъ какое-то особенное впечатлѣніе. Какъ всегда въ сосновомъ лѣсу, сосны снизу не много почернѣли; все это вмѣстѣ производило отчасти какое-то грустное или мрачное впечатлѣніе, отчасти носило отпечатокъ аккуратности, чистоты парка. Сучья, сверху, толстые, прихотливо изогнутыя напоминали какія-то мускулистыя, жилистыя руки съ крѣпковатыми пальцами, косматыя, порбѣпія вхомя. Внизу, вмѣсто обычнаго у насъ слоя сухихъ хвой, иглъ, сначала мы находимъ сибѣйскія заросли брусники, пороники, липней, съ двумя изящными розовыми цвѣточками, андромеды; потомъ все это понемногу замѣняется моховымъ

покровомъ и лишайниками. Все круче и круче подъемъ. Вотъ мы, наконецъ, взобрались на вершину большой, длинной каменистой валуной гряды, морены, и снова приходится круто спускаться внизъ.

Съ этой стороны особенно бросаются въ глаза валуны, составляющіе морену. Она почти голые, безъ щебня и песку и только сверху покрыты толстымъ, пушистымъ и упругимъ слоемъ мху, который обманываетъ глазъ своею однообразною поверхностью. Вотъ струится маленькій ручей, журча и пробивая себѣ дорогу по каменистому ложу, среди валуповъ. Это самый низкій пунктъ лога, отдѣляющаго боковую морену отъ массива горъ. Логъ этотъ параллеленъ озеру. Здѣсь мѣстность сразу мѣняется. Множество молоденькихъ березокъ, осинъ и рябинъ примѣшивается къ сосновому лѣсу, также какъ и на самомъ берегу Имаандры.

Тутъ представляются двѣ дороги. Одна по логу, ведущему къ Дверямъ; надо свернуть по ручью влѣво и подниматься вдоль его русла. Другой путь труднѣе: надо взять вправо и прямо взбираться по неровностямъ на тотъ „бараній лобъ“, который своею крутизною издали бросается въ глаза. И такъ и сдѣлалъ. На это были причины. На крутомъ подъемѣ вѣрнѣе можно опредѣлить границы распространенія лѣсной растительности, вѣрнѣе и скорѣе вычислить разность атмосфернаго давленія по барометру. Однимъ словомъ, мы выбрали крутой путь. Сначала онъ очень труденъ, потомъ свываешься. Труденъ онъ потому, что крутъ, но особенно потому, что начало его идетъ по грудамъ валуповъ очень неровныхъ. Невольно спотыкаешься, падаешь, при этомъ приходится больше вниманія обращать на сохранность длиннаго термометра и барометра, чѣмъ на свою особу.

По мѣрѣ того, какъ поднимаешься выше, лѣсъ понемногу мельчаетъ, переходитъ въ кустарникъ, низкорослый ёрникъ; такъ называется очень мелколистная береза. Рядомъ съ нею идетъ собственно мѣстный ёрникъ (*Empetrum nigrum*). Ужъ подъ ногами у васъ давно голыя скалы, не имѣющія сплошнаго покрова, а корявыя березки еще долго сопровождаютъ васъ, и среди ёрниковъ вы сдѣлаете по крайней мѣрѣ полчаса пути. Вышли мы изъ дому ровно въ полдень, и ровно въ два часа и 45 минутъ я былъ на первомъ уступѣ горы, лишенномъ всякой растительности, даже ёрниковъ. Это была высота въ триста метровъ (или въ 984'). Вершина совершенно гладкая, куполообразная, спускающаяся одинаково крутыми склонами во всѣ стороны, кромѣ одной. Именно сторона, обращенная къ главной вер-

линиѣ, куда намъ надо было идти, кончалась отвѣснымъ обрывомъ. Приходилось, значить, во второй разъ спускаться на громадную глубину лощины, чтобы снова подняться. Но пока мы рѣшились отдохнуть. Вотъ и отличный диванъ: громадный валунъ, кубической формы лежитъ на площадкѣ. Какъ опъ попалъ сюда, на такую высоту? Также какъ на вершину Сырой тундры попали борозды и прамы. Оттого и куполь этотъ получилъ свою форму, что вся мѣстность до вдвое большей высоты (до 700 метровъ) была покрыта вилошпаннымъ ледниковымъ покровомъ.

Что за чудная панорама открывается передъ нами! Прямо передъ глазами, внизу, блеститъ широкою серебряною полосой вытянувшееся озеро Имандра; мѣстами нѣжною лазурью отливаютъ его тихія воды; вотъ около самаго Высокаго острова видно нѣсколько серебристыхъ струекъ: это слабое теченіе огибаетъ выдающійся южный мысокъ. А ближе, прямо подъ ногами, темная синевя вода отливаетъ какимъ-то матово-бархатистымъ лазоревымъ цвѣтомъ. Вотъ блестятъ широкія полосы того же Высокаго острова, вотъ нѣсколько мелкихъ островковъ, голыхъ и скалистыхъ, всегда длинныхъ и узкихъ, назойливо напоминающихъ заснувшихъ или притаившихся щукъ. Вотъ и лѣсистый Сивъ-островъ и длинная, далеко уходящая отъ меня въ глубь извилистая водная лента, это Мопча-губа. Вотъ и великолѣпныя Чауны-тундры. Какими громадными темными массивами поднимаются опъ, вытянувшись правильными рядами! Нѣсколько обточенныхъ куполовъ точно дружно взялись за руки,—такъ сливаются другъ съ другомъ; потомъ спустятся они внизъ и сольются въ широкую долину, потомъ опять плавно поднимается линия и круто вздымается къверху, образуя настоящіе пики, выше другихъ, опять круто упадетъ до извѣстной высоты, гдѣ опять слѣдуетъ рядъ однообразныхъ куполовъ. За этимъ рядомъ второй, третій—такіе же, за ними еще и еще, все слабѣе, слабѣе, и вотъ еле-еле голубѣютъ вдали мягкія плавныя очертанія высокихъ шапокъ, посѣдѣвшихъ отъ времени: это снѣгъ убѣлялъ ихъ могучія и ветхія головы. Это уже даль безпредѣльная. . . Съ той высоты, гдѣ я стоялъ, онѣ мнѣ казались тоже гдѣ-то наверху, выше горизонта и почти сливались своею голубоватою дымкой съ небеснымъ сводомъ. Здѣсь внизу, подъ самыми моими ногами, виднѣлся еще узкою полосой тотъ берегъ, на которомъ я самъ стоялъ. Это былъ довольно высокій мысъ, покрытый крупнымъ лѣсомъ; но сверху, въ ракурсѣ, онъ казался какимъ-то приземистымъ ежомъ, пріютившимся на самомъ берегу.

Срисованъ два вида, которые въ совокупности могли бы дать часть ссxxxii, отд. 2.

ясное представленіе о мѣстности, мы рѣшились идти дальше. Какъ я уже сказалъ, съ той стороны, куда намъ лежалъ путь, былъ отвѣсный обрывъ. Поэтому почти на ту же высоту, до которой мы только что поднялись, предстояло снова спуститься внизъ, въ глубокой и темный логъ. Съ энергіей, достойною лучшей участи, отправились мы въ отрицательный путь. Найдя сбоку узенькую лазейку въ видѣ трещины въ скалѣ, съ крутыми, карнизобразными выступами на отвѣсной скалѣ, я рѣшился спуститься здѣсь. Прежде всего, свернувъ въ одинъ валежъ свою мохнатку и пальто, я отправилъ ихъ однимъ толчкомъ ноги внизъ, за ними послѣдовала кожаная сумка съ веревками, изъ которыхъ только одна была употреблена на осторожное спусканіе внизъ барометра. Затѣмъ я сталъ спускаться на мускулахъ рукъ и ногъ, цѣпляясь за выступы и изрѣдка садясь на нависшій карнизъ для отдыха. Тутъ мнѣ очень пригодились прежніе уроки гимнастики. Для кого-либо другаго это было бы сумазброднымъ предпріятіемъ; для меня, отличнаго гимнастера когда-то, это было только нѣсколько сильное ощущеніе. Спусканіе продолжалось долго; послѣ трехъ, четырехъ отдыховъ, минутъ черезъ 20, мы были внизъ.

Что за дикая, чудная красота! Цѣлый рядъ черныхъ, плотныхъ, только снаружи изъѣденныхъ пластовъ роговообманковой породы былъ стоймя поставленъ на голову (какъ говорятъ геологи), и на самомъ верху на нихъ висѣли, сползая мѣстами, заросли ерника и березняка, вороники и гажьей ягоды. Пласты эти, точно циклопическая постройка какихъ-то титановъ, стояли стѣна за стѣной, образуя мѣстами широкія, черныя разсѣлины, мѣстами узкія трещины; кое-гдѣ вывалились большіе куски породы, тутъ же, у подножія, на вѣки лежащіе, смиренно почивъ послѣ своей когда-то бурной жизни; вынады ихъ образовали глубокія, но узкія ущелья, въ которыхъ можно хорошо укрыться отъ непогоды. Налѣво стѣна эта кончается страшнымъ хаосомъ.

„Вотъ, баринъ, посмотри!“ началъ Григорій.— „Видишь ли эти глыбы камня! Эти кучи мусора. Это все работа страшныхъ шишей. Когда-то были они хорошими и добрыми. Забрались они тоже сюда наверхъ, и на самомъ верху такъ имъ поправилось, такъ имъ хорошо стало, что рѣшили они тутъ поселиться“.

„Что, это—люди были?“

„Давно это было. Людв-то они были люди, да видно не такіе, какъ мы. Прежде народъ былъ дичѣе“.

„Ну, рассказывай дальше!“

Спустились они опять внизъ. А жили они прежде далеко за Чунами-тундрами. Вотъ захватили весь свой скарбъ, свои топоры и ружья,—лѣтъ, стой, ружье въ у нихъ не было*, поправился разкащикъ,—взобрались они опять сюда на Хибинны горы и поселились на самыхъ высокихъ ущельяхъ, въ горахъ. И стало имъ такъ привольно, такъ хорошо, что выше ихъ только орелъ одинъ летаетъ, что вся вода отъ нихъ бѣжить, и что никогда вода ихъ не затопитъ; такъ ясно и далеко все видно кругомъ, что они и возгордились. И послалъ тогда Сильный на нихъ своихъ слугъ. А они озлобились. Какъ, они выше всего,—и кто-то все-таки власть надъ ними имѣть хочетъ! Стали они вотъ отсюда, эти камни громадные скатывать, иной въ три-четыре сажени длинной... Стоишь пошелъ по всему ущелью; земля загудѣла, лѣса зароптали, озеро страшно заколыхалось. И вдругъ, когда они больше всего камней пустили, сразу такой страшный вихрь на нихъ налетѣлъ, что пургой этой ихъ всѣхъ съ утеса внизъ смело, а внизу ихъ же этими самыми камнями и подавило. Другіе, что цѣлы остались, — по лѣсамъ разошлись и злятся, и силу свою чувтъ, и зная, что какъ только захотятъ, соберутся, такъ вновь пойдутъ на верхъ и свои утесы отобьютъ, и ходить они по лѣсу, и въ злой радости гогочутъ. И такъ иной разъ онъ, шишъ, загочетъ, что морозъ тебя по кожѣ подеретъ*.

И видалъ кто-нибудь теперь этихъ самыхъ шишей*.

А какже не видалъ! Видалъ и я самъ. Вечеромъ поздно, либо ночью, идетъ онъ мохнатый, черный такой, большой, идетъ, такъ претъ, что стоишь въ лѣсу стоишь; больше они въ непогодъ ходятъ. Всѣхъ птицъ они распускаютъ. Совы, филины, сычи разлетаются; мыши разбѣгаются. Онъ эту всю силу знаетъ. Это его сила. Такъ у тебя въ ту ночь надъ головой птицы и полоскаютъ, такъ и поло-скаютъ*.

Смолкъ онъ, и бурово насунившись, поднялся.

— Не къ мѣсту разговоръ затѣяли! Это мѣсто дикое, глухое; тутъ евоная сила сидитъ. Ишь, вовъ волкъ приспугль!*

И онъ схватился за винтовку). Пришлось опять карабкаться, опять лѣзть на верхъ. Помогая другъ другу, подсаживая и втаскивая, поочередно, мы долго лѣзли на крутую вершину и наконецъ, издравъ плащъ, руки, изцарапавъ ружье, добрались до перваго уступа второй горы.

Еще не успѣлъ я вполне выбраться на площадку этого уступа, какъ вниманіе мое остановилось на разбросанныхъ отдѣльными экземплярами

денію, что здѣсь мощно были развиты глетчеры. Наконецъ, громадныя морены, всюду параллельныя, общія географія мѣстности, (косы, мысы, губы, заливы, острова, озера), все вытянуто въ одномъ направленіи; борозды и шрамы повторяются одинаково сильно на различныхъ высотахъ (на вершинѣ Сырой тундры и на Высокомъ островѣ); все свидѣтельствуетъ въ пользу того, что не большому распространенію ледниковаго моря съ плавающими айсбергами, а именно громаднымъ материковымъ ледникомъ надо приписать всѣ эти явленія.

На противоположномъ берегу Имандры, какъ разъ прямо противъ Хибинныхъ тундръ, тянутся длинною цѣпью громадныя Чауны или Чуны тундры. Онѣ подходятъ къ самому Иокострову и простираются слѣдовательно, на большее разстояніе, нежели Хибинныя тундры. Вообще, и площадь ихъ гораздо значительнѣе, и высота больше. Вершины почти сплошь были покрыты снѣгомъ. Въ Чунахъ замѣчаются тѣ же общія черты, что и въ Хибинскихъ горахъ. Тѣ же закругленныя вершины, то же телескопическое борожденіе смежной мѣстности. Но что нѣсколько отличаетъ ихъ отъ Хибинныхъ, это то, что Хибинныя тундры представляютъ одинъ массивъ, разбитый узкими, неглубокими и сравнительно небольшими логами, тогда какъ Чауны-тундры явственно состоятъ изъ трехъ параллельныхъ цѣпей горъ, изъ которыхъ каждая распадается на группы. Относительно того, что онѣ выше, я сужу изъ того факта, что въ то время, какъ на Хибинныхъ горахъ весь почти снѣгъ стаялъ, на Чауно-тундрахъ онъ лежалъ еще сплошною пеленой. Отъ него масса талой воды стекаетъ къ подножію и образуетъ обширное болотное пространство, тянущееся вдоль всего берега.

Странно то, что оба громадные залива Имандры—Вити- и Мончагубы, исходятъ отъ подножія Чауны-тундръ. Изъ нихъ Монча-губа далеко врѣзывается въ материкъ, болѣе 20 верстъ; она очень узка и глубока, тогда какъ со стороны Хибинныхъ тундръ мы не находимъ ни одного, хотя бы и незначительнаго залива. Напротивъ, этотъ берегъ отличается своею крутизной и прямизной.

Давно уже меня интересовало провѣрить карты этой мѣстности, издавныя главнымъ штабомъ. Случай представился, и не могла быть ничего лучше, какъ подняться на громадную высоту. Высокаго мыса, откуда вся оррографія мѣстности представилась бы, какъ на ладони. Я уже нѣсколько разъ срисовывала виды съ высотъ, а потому и здѣсь рассчитывала спать видъ à vol d'oiseau. Дѣло одно прелестное, но жаркое утро мы собрались двумя компаніями. Мой спутникъ съ двумя

проводниками отправился въ горы на охоту. Я съ кривымъ Григоріемъ намѣревался взойти на вершину горы и опредѣлить ея высоту.

— Не дойдти только намъ съ тобой, баринъ! такъ сразу началъ сопровождавшій меня Лопарь.

— Отчего? Развѣ непроходимо?

— Нѣтъ. Оно, положимъ, болотъ нѣтъ. Да тяжело. Провалы глубокіе. Темъ, дикое мѣсто, камень на камень, страсти!

— А что, бывалъ кто-нибудь въ здѣшнихъ мѣстахъ?

— Годовъ тому нѣсколько будетъ; былъ здѣсь одинъ Англичанинъ. Сперва-то порато-шибко взялся онъ идти. Ну, да, за то и угомонился шибко. Дошелъ онъ только до самаго начала Медвѣжьяго лога, да и сѣлъ. Вынулъ книжку, да давай рисовать. Потомъ посмотритъ, да пишетъ, опять посмотритъ и опять пишетъ. Долго сидѣлъ, все писалъ. Потомъ спрашиваетъ: очень, молъ, далеко на верхъ?—Очень далеко, говоримъ.—А тяжело идти?—Да на рукахъ лѣзть придется, говоримъ. Ну и испугался. Такъ и обернули мы назадъ. Нечего говорить, трудно идти, заключилъ свою рѣчь Григорій.

— Что же, это тотъ самый, что Мирона срисовывалъ?

— Да, тотъ самый.

Во время этого разговора, мы по немногу поднимались въ гору; удаляясь все время отъ озера, по направленію прямо перпендикулярному къ направленію берега. Подъемъ ставился все круче: Мы шли крупнымъ и довольно частымъ сосновымъ лѣсомъ. Сосна тутъ особенная, толстый стволъ ея прямою колонной поднимается вверхъ, совершенно не пуская сучьевъ. Только на самой вершинѣ, на высотѣ 60, 70 и даже 80 футовъ, стволъ, главная колонна вѣтвится на три или четыре толстые сучка, составляющіе густую кроуну дерева. Громадныя голныя колонны этихъ красноватыхъ стволовъ, толщиной въ обхватъ въ два метра слишкомъ, производятъ какое-то особенное впечатлѣніе. Какъ всегда въ сосновомъ лѣсу, сосны снизу не много почернѣли; все это вмѣстѣ производило отчасти какое-то грустное или мрачное впечатлѣніе, отчасти носило отпечатокъ аккуратности, чистоты парка. Сучья, въ верху, толстые, прихотливо изогнутые напоминали какія-то мускулистыя, жилистыя руки съ крѣчковатыми пальцами, косматыя, поросшія вѣхомъ. Вънизу, вмѣсто обычнаго у насъ слоя сухихъ хвой, иглъ, сначала мы находимъ смѣшанныя заросли брусники, пороники, лишней, съ двумя изящными розовыми цвѣточками, андромеды; потомъ все это понемногу замѣняется моховымъ

небольшихъ цвѣтахъ прелестнаго палево-желтаго цвѣта. Это альпійскіе маки (*Ranunc alpinum*). Нѣжный, довольно сильно разсѣченный листь, тонкій стебель, отъ трехъ до четырехъ вершковъ высотой, покрытый нѣжными пушистыми волосиками и главное—цвѣтокъ,—все вполне гармонировало одно съ другимъ. Здѣсь они росли на голыхъ скадахъ, укрѣпляясь своими плотными корнями въ тонкихъ рассѣлинахъ скаль. Всякіе признаки кустарной растительности совершенно исчезли, и только рядомъ съ этими одиночными экземплярами *Ranunc alpinum*, встрѣчались еще *Dryas octopetala*, растущія небольшими группами, переплетаясь корнями, образуя при этомъ толстыя плотныя подушечки. Листочки зазубренныя; бѣлые цвѣты довольно крупныя, имѣютъ по восьми лепестковъ въ цвѣткѣ. Рядомъ съ ними встрѣчаются настоящіе представители альпійской флоры — весьма низкорослыя, мелкіе пунцовые цвѣты изъ семейства розоцвѣтныхъ. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ не растетъ уже ни грубый ерникъ *Empetrum nigrum*, ни березовый ерникъ *Betula nana* и *Betula alpina*, тамъ существуетъ какой-то переломъ. Вотъ исчезла и моховая поросль, и сплошной покровъ скаль—лишайники и печеночницы, и тутъ же являются представители нѣжнѣйшей альпійской флоры, которой не побрезговаль бы никакой дилетантъ, любитель изысканной культурной флоры. Дѣйствительно, нѣжише этихъ растений трудно себѣ что-либо представить.

Отсюда открывается широкій видъ почти во все стороны. Прямо передъ вами высоко стоитъ глава Высокаго мыса; справа широкій и глубокій Медвѣжій логъ; слѣва логъ шире съ Дверями. Нѣсколько лѣвѣе главнаго купола открывается равнина рѣки Гольцовъ-ручей. Дорога здѣсь идетъ по самому крутому, почти острому ребру главнаго спуска гряды Высокаго мыса. Вся гряда покрыта остроугольными валунами, уже сильно разрушившимися. Вся порода здѣсь, также, какъ и внизу, поставлена на голову, такъ что приходится идти какъ бы по развалинамъ какой-то гигантской стѣны или брени. Порода чрезвычайно разрушена; поэтому мѣстами можно легко отыскать прекрасныя крупныя кристаллы матоваго, блѣдно-зеленаго полеваго шпата. Вотъ приходится пройти по какому-то глубокому и довольно широкому колодцу, съ совершенно отвѣсными, мѣстами даже вогнутыми стѣнками; дно его овальной формы; на немъ лежитъ довольно толстый слой снѣгу. Еще и еще крутой подъемъ; глыбы, скалы, дичь страшная, и наконецъ, мы на вершинѣ. Совершенно ровная, гладкая площадка, и на ней опять *Ranunc alpinum*, и опять цвѣтки

его стоятъ по одиночкѣ, попикнувъ желтыми головками, точно пригорюпившись надъ своей участью. Какой широкій горизонтъ, какая чудная картина! Вотъ, далеко-далеко, на сѣверо-востокѣ, узкою серебряною лентой блеститъ Гольцовъ-ручей; кругомъ него дремучіе еловые лѣса лѣзутъ на гору и точно воинственная армія лѣсомъ штыковъ покрываетъ его. Таковъ видъ сверху. Слѣва, надъ Гольцовымъ-ручьемъ какой-то каменный утесъ отвѣснымъ обрывомъ стоитъ надъ бездною. Вотъ и „Двери“. Подъ самыми ногами, отвѣсно, страшная бездна; какая-то дымчатая мгла заволакиваетъ все, и еле-еле видны груди чего-то, наваленныя въ тѣснилѣ. Обманъ ли это глаза, или въ самомъ дѣлѣ тамъ лежатъ глыбы громадныхъ оторвавшихся скалъ? Но какая же это высота? Смотрю: барометръ съ 744 мм. упалъ на 680. По точному опредѣленію, она равняется 920 метрамъ надъ уровнемъ океана.

Сильный вѣтеръ отгоняетъ комаровъ, которые до сихъ поръ насъ мучили. Становится холодновато, термометръ Цельсія упалъ до 9,4° (7,52° R°). Правда, что было уже не рано—ровно семь часовъ вечера. Слѣдовательно, мы шли, если выключить тѣ два часа, которые я употребилъ на отдыхъ и рисованіе, около пяти часовъ, притомъ самою напряженною ходьбой. Я считаю поэтому удаленность вершины горы отъ берега до 10—12 верстъ.

Посмотрите на озеро. Но гдѣ же оно? Гдѣ громадная Имандра? Эти ли ничтожныя полоски воды, блестящія изъ-за далеко внизу выдающагося купола перваго уступа! Того уступа на которомъ я рисовалъ. Чауни-тундры какъ-то близко. Онѣ точно пододринулись. Но что это? Точно какіе-то крупные клочья ваты ползутъ снизу. Разорванные хлопья быстро бѣгутъ вверхъ и также быстро расплываются. За ними новыя опять и опять безъ конца. Такъ и застилаютъ они всю окрестность и расплываются, такъ; но это обманъ глаза. Вдали они кажутся густыми, оформленными; вблизи расплываются въ полупрозрачивающій туманъ. Но вотъ и надъ головой черная туча; кругомъ все застлало. Крупныя капли западали одна за другою на рисунокъ моего альбома; вотъ вамъ и насиліе природы. Пришлось бросить только что начатое рисованіе и бѣжать въ ближайшую пещеру. Но замѣчу, сначала, поразившій меня фактъ; вершина была совершенно плоская, черная, голая поверхность скалы, изрѣдка съ цвѣтами. Ниже въ логу лежалъ снѣгъ.

Дождь быстро усиливался и скоро перешелъ въ крупный ливень. Мы бѣгомъ спустились по крутому склону, и искали знаменитой

медвѣжьей пещеры, но такъ и не нашли ея. Эта пещера служила, какъ-то разъ, приютомъ нѣсколькимъ лопарямъ. Вотъ что разказалъ о ней Григорій.

„Шло насъ тутъ пять или шесть человѣкъ. Выслѣживали мы олень. Дѣло было поздней осенью. Поднялась непогода, вьюга, бури, страшный громъ, молвія; ливень по временамъ переходилъ въ градъ. Вотъ мы шли тутъ, этимъ самымъ логомъ; прошли мы тогда вотъ эту свѣжнюю полянку; тутъ такимъ ливнемъ ударило, что всѣ мы подъ скалу поджались. Только вдругъ съ скалы-то на насъ и полило. Бросились мы куда-то въ стороны, и кричить одинъ изъ нашихъ, чуть ли не Потапъ: сюда, братцы, скорѣй. Мы къ нему, — не видимъ. Идемъ на голосъ, — сидитъ онъ въ глубокой пещерѣ. Забрались мы тоже въ пещеру. Сидимъ себѣ тихонечко, вода отливаетъ съ нашего платья. Отъ вѣтру и косаго ливня завѣсили мы входную дыру чѣмъ-то армякомъ. Кругомъ вѣтеръ реветъ, буря шумитъ, ливень хлещетъ, молонья полоскаетъ, а мы себѣ вольготно сидимъ въ пещерѣ — тепло, да уютно. Только, вдругъ, поднимается уголокъ нашей завѣски — кафтана, и большая медвѣжья голова просунулась внутрь пещеры. Глаза-то блестятъ; сонякъ и точно спрашиваетъ: А что, Потапушко, хорошо тебѣ тутъ? Только, на благо, случилось у насъ съ собой три винтовки. Схватились мы за нихъ; курки-то какъ щелкнули — онъ сейчасъ голову-то назадъ; мы выстрѣлили, да видно не попали, потому что только онъ зарычалъ, да услышали мы какъ онъ затрусилъ отъ насъ рысцою. Вотъ, братецъ вы мой, какая это пещера“.

„Такъ чего же ты меня туда хотѣлъ вести? Можетъ, и теперь тоже медвѣдь тамъ сидитъ?“

„Ну, пѣтъ, баринъ. Ужь если разъ онъ въ пещерѣ на такую оказію паткнулся, да человѣческій духъ есть, онъ туда не пойдетъ“.

Мы обождали главный ливень подъ выступомъ скалы. Затѣмъ, считая направленіе отъ свѣговой глубокой ямы, взяли лѣвѣе и стали спускаться. Сначала спускъ не слишкомъ крутъ, то-есть, вѣрише сказать, послѣ того, какъ спустишься почти по отвѣсному обриву, сажени въ три-четыре, по грудѣ наваленныхъ обломковъ, потомъ можно смѣло идти среднимъ шагомъ, не прибѣгая къ помощи рукъ. Затѣмъ мы взяли еще лѣвѣе и прямо направились къ медвѣжьему логоу. Поверхность, по которой приходится спускаться, составляетъ почти четвертую часть цилиндрической поверхности, ось которой совпадаетъ съ осью горы. То-есть, иначе говори, разрѣзъ этой поверхности представилъ бы сильно выпуклую кнаружи дугу, почти

четверть окружности. Поэтому понятно, что, чѣмъ ниже мы спускались, тѣмъ круче становился спускъ; наконецъ, на высотѣ послѣднихъ пятнадцати или двадцати сажень, онъ обратился въ отвѣсный. Я нѣсколько разъ соскальзывалъ внизъ, прокатываясь сажени двѣ-три внизъ на локтяхъ, по совершенно гладкой, почти отполированной поверхности; къ счастью, мѣстами, вѣроятно вслѣдствіе вывѣтрѣлости матерой породы, крѣпко сидѣло нѣсколько валуновъ, точно примерзли. Сверху черезъ мою голову летѣли и сыпались валуны и гальки, срывавшіеся изъ-подъ ногъ слѣдовавшаго за мною Григорія. Наконецъ я рѣшился окончателно соскользнуть внизъ; выбравъ мѣсто поглаже, безъ растительности и валуновъ, я на локтяхъ, оберегая свой барометръ, проѣхался внизъ и увязъ выше колѣнъ въ грудѣ щебня и галекъ. Спускъ совершенъ былъ благополучно. Мы были уже въ медвѣжьемъ логоу.

Верхове его страшно круто и очень узко. Было бы немислимо подниматься здѣсь. Затѣмъ дно его становится отложе и идетъ подъ угломъ около 50° , затѣмъ быстро дѣлается еще отложе и доходитъ до 30° . Мы были, приблизительно, въ этомъ именно пунктѣ. Тутъ груды песку, намытаго, очевидно, водой, масса галекъ, щебня, мелкихъ и среднихъ валуновъ; тутъ было очень удобно идти,—дорога плотная и почти ровная. Дальше количество песку уменьшается, величина валуновъ все растетъ, при чемъ ясно видно, что они выходятъ изъ-подъ песку, то-есть, они существуютъ и выше въ логоу, но занесены щебнемъ и другимъ матеріаломъ. Тутъ тоже есть слѣды альпійской растительности, въ тѣхъ же самыхъ родахъ и видахъ, что и наверху. Но, кромѣ того, попадались наши старинные знакомые—купальница—*Trichialis europaea*, которой такъ много подъ Петербургомъ, около Павловска; она развита въ этомъ логоу въ роскошныхъ представителяхъ. Но что за странность! Путь становится все труднѣе, валуны—все крупнѣе и крупнѣе; они совершенно лишились своего песчаного покрова, и вотъ уже между ними пробивается чистый, какъ хрусталь, источникъ, несущій студеную воду. Валуны стали такъ велики и навалены они такими груды, что приходится идти все время гимнастическимъ шагомъ, перескакивая съ одного на другой; при этомъ надо замѣтить, что они совершенно круглые и обкатанные. Изъ этого ясно—какое напряженіе глазомѣра, мускуловъ ногъ и нервной системы необходимо было употреблять, чтобы все время навѣрняка перебѣгать по такой мѣстности. А мы до этого сдѣлали уже около

двадцати верстѣ по самой отчаянной и крутой дорогѣ, мѣстами цѣпляясь просто на рукахъ. Утомленіе наше стало быстро расти.

По такимъ громаднымъ валунамъ пришлось скоро вскарабкаться на высокую морену, метровъ въ 25—30 высотой; она покрыта уже первымъ лѣсомъ. Отсюда начинаютъ истыла муки. Не стану утруждать читателя подробнымъ описаніемъ пути; скажу только, что вскорѣ напали на насъ комары, пришлось надѣть сѣтки, а мы уже выбивались изъ силъ. Скачки, гимнастическій шагъ, съ постояннымъ напряженіемъ мускуловъ; спотыканіе и проваливаніе сквозь толстый моховой покровъ, который опять затянулъ толстымъ слоемъ всѣ громадные валуны, обманывая глазъ, перемежаемость валунныхъ грядъ съ широкими, мелкими, но сильно кочковатыми болотцами, по которымъ приходилось съ одной рыхлой кочки перескакивать на другую,—все это до такой степени изнурило насъ, что на одномъ изъ болотъ, споткнувшись на кочку, я уналъ навзничъ и не имѣлъ силъ подняться. Я лежалъ въ водѣ на спинѣ; все тѣло страшно ломило, руки были разбиты. Я не догадался взять коньяку; это бы подкрѣпило. Вѣроятно, къ утомленію въ значительной степени присоединилась и лихорадка, такъ какъ съ семи часовъ еще, на вѣтру, я былъ мокръ какъ сквозь. Такъ лежалъ я, радуясь инерціи, извѣдывая истое блаженство настоящаго *dolce far niente*. Отдымавшись и сдѣлавъ крайнее нервное усиліе, я поднялся, и черезъ полчаса мы были дома. Только передъ самымъ домою по лѣсу пронеслось страшное гоготаніе.

„Вотъ, это онъ! Это шишъ!“

Надъ головой нашею мѣрно пронеслась большая птица. Недалекъ она усѣлась на дерево, и снова, ясно въ ея направленіи, раздавалось страшное гоготаніе: Не было сомнѣній — это крикъ птицы. (Одна изъ породъ сарычей—*Buteo*—точно неопредѣленная).

Придя домой, я не имѣлъ силъ снять съ себя что-либо; меня раздѣли, какъ ребенка, и вышивъ полстакана коньяку, промокшіи и продрогшіи, я моментально заснулъ.

Отправляясь съ послѣдней на Имандрѣ стацин—Куреньги дальше на сѣверъ, вы прощаетесь съ озеромъ, такъ какъ, уже поднявшись на нѣсколько сажень вверхъ, по горѣ Куреньга-варака, состоящей изъ бѣлаго сіенита, вы вступаете по очень извилистой тропинкѣ въ крупный лѣсъ, изъ-за котораго и не видно озера.

Тропинка круто поднимается вверхъ, затѣмъ послѣ нѣсколькихъ

извилистыхъ заворотовъ вы начинаете опять спускаться. Пройдя такимъ образомъ лѣсомъ около 4 верстъ, приходите къ новому озеру, посвященному названію Пиресъ-Нури. Озеро своеобразно потому, что здѣсь особенно сильно развиты длинныя, узкія и высокія каменистыя наволоки. Они отдѣляютъ отъ озера песьма узкія, длинныя бухты, тянущіяся почти параллельно самому озеру. По этому озеру приходится проѣхать двѣнадцать верстъ, тогда вы достигаете водораздѣла, то-есть, той узкой полосы земли (всего полторы версты шириной), которая отдѣляетъ другъ отъ друга два смежныхъ озера—Пиресъ-Нури отъ сѣвернаго Колозера. Воды Пиреса текутъ на югъ въ Бѣлое море; воды Колозера въ рѣку Колу, впадающую въ Ледовитый океанъ. Этотъ водораздѣлъ не заключаетъ въ себѣ какого-либо каменистаго кряжа; это просто низменная, болотистая полоса земли, поднимающаяся надъ обоими озерами метра на три или четыре (не болѣе двухъ сажень на протяженіи полутора верстъ).

Колозеро заканчивается на сѣверѣ высокими Масельскими тундрами, совершенно голыми, сѣрыми, утесистыми горами, скалистые отроги которыхъ продолжаются и на востокъ, и на западъ. Отъ Колозера идетъ на сѣверъ сухопутный переходъ на Нуоль-озеро, длинной въ 4 версты. Тутъ нѣтъ ничего интереснаго, а потому перейдемъ прямо къ Пулозеру.

Озеро это вполне вознаграждаетъ путешественника за тотъ странно трудный переходъ, который приходится сдѣлать съ Колозера на Пулозеро. Оно прелестно. При своей вообще сильно извилистой формѣ, множествѣ заливовъ и бухтъ и изрѣзанности общей береговой линіи, съ массою мысовъ и наволоковъ, оно имѣетъ, большею частью, крутые берега, покрытые ровнымъ сосновымъ и еловымъ лѣсомъ. По ровной водной поверхности разбросана масса островковъ съ широкими песчаными берегами и яркою зеленью лиственныхъ деревьевъ. Берега круто ползутъ въ гору, и за угрюмыми голыми скалами, высящимися надъ ближайшими вершинами еловаго лѣса, мягко голубѣютъ вдаль громадныя тундры, голыя скалистыя горы. Прелесть озера заключается особенно въ томъ, что оно не докучаетъ вамъ уныlostью своихъ однообразныхъ формъ и очертаній; оно богато быстрою смѣною характера береговъ, быстрою перемѣной видовъ, горы, при крутыхъ поворотахъ озера, неожиданно открываются предъ вами пѣ-за каждаго высокаго наволока, изъ-за каждаго мыса.

Берега, то совершенно прямые, вытянутые въ струнку, съ одинаково крутымъ склономъ и точно повсюду искусственно устроенною

набережной—грядой валуновъ, которая на одинаковой высотѣ, тянется на вѣскольکو верстѣ вдоль берега. Затѣмъ идутъ игриво извивающіеся берега съ селыгами и наволоками, сѣбяющимися бухтами. Вѣстѣ съ тѣмъ, берега то падаютъ, то снова возвышаются утесистыми скалами надъ гладкою поверхностью озера. Послѣ круто падающей селыги, покрытой моховымъ покровомъ и поросшей рѣдкимъ соснякомъ, съ грядою валуновъ у ватерлинии, вдругъ берегъ становится отлогимъ, поросшимъ березнякомъ, съ узкою полосой гравія; а вдаль видѣется уже совершенно другаго характера—темный сосново-еловый, вообще хвойный, боръ, съ широкою песчанюю полосой побережья.

Прелестно это сочетаніе темнаго, почти черно-зеленаго, густаго бора на круто вздымающихся скалахъ; внизу широкая полоса ярко оранжеваго песку, опоясывающаго пѣжно голубую, изрѣдка темносинюю поверхность Пулозера. Съ правой стороны поднимается голая, на своей вершинѣ, тундра Чурма-Уавичъ. Она, судя только по одному глазомѣру близко подходит по высотѣ къ Сырой тундрѣ. Но если приять во вниманіе распространеніе лѣсной растительности и широту, то надо признать, что она значительно ниже послѣдней; а именно, растительность лѣсная здѣсь немного не доходитъ до самой вершины; на Сырой Тундрѣ довольно далеко отъ вершины прекращаются лѣса. Затѣмъ эта Чурма-Вавичъ лежитъ гораздо сѣвернѣе Сырой тундры, по крайней мѣрѣ на 140 верстѣ; поэтому здѣсь растительность должна была бы быть значительно ниже той высоты, до которой она поднимается по Сырой тундрѣ. Противъ Чурма-Вавичъ, на противоположномъ берегу лежитъ Варака, называемая Кустмень-Варичъ. Она значительно ниже Чурмы, уже потому, какъ показываетъ и самое лопское названіе ея, что это варака, то-есть, гора, вершина которой покрыта сплошнымъ лѣсомъ.

Когда вы находитесь какъ разъ посрединѣ между Чурма-тундрой и Кустмень-Вараккой, и притомъ близъ середины озера, то передъ вами открывается цѣлый рядъ песчаныхъ мысовъ, съ лѣваго берега острою стрѣлкой вдающихся въ озеро и своимъ ярко желтымъ или оранжевымъ цвѣтомъ, бросающихся въ глаза еще издали. За синной у васъ поднимается громадная Ну-чокъ-Варачъ, или просто Чокъ-Варачъ, которая лежитъ на пути четырехверстнаго перехода съ Колозера на Пулозеро и остается влѣво. Она имѣетъ двойную вершину. По срединѣ длины Пулозера, на западномъ его берегу, выдаются острыми мысами двѣ длинныя песчанія косы. Это наволоки—Стольбе-няркъ и Оккольни-няркъ (зимній наволокъ). Между ними образуется

глубоко врѣзавшаяся въ материкъ губа или, вѣрнѣе, бухта. Стольбе-няркъ очень низкій и песчаный; прямо противъ него находится на противоположномъ берегу глубокая бухта. Вообще въ этомъ мѣстѣ озеро сильно расширяется, такъ что достигаетъ до двухъ верстъ ширины. Какъ Стольбе-няркъ, такъ и Оккольци-няркъ сильно, врѣзывается въ озеро. Послѣдній—также песчаный наполовкъ, но нѣсколько выше перваго и при основаніи слегка поросъ еловымъ лѣсомъ. Въ этомъ мѣстѣ, среди двухъ бухтъ, озеро очень глубоко и, по словамъ Лопарей, достигаетъ 27 сажень глубины, тогда какъ Имандра, при своей девяностиверстной длинѣ и тридцативерстной ширинѣ и при томъ, что извѣстно своими бурями и страшными волнами, имѣетъ наибольшую глубину только въ 20 сажень. Берега здѣсь опять также гористы, какъ и раньше. Такъ съ лѣвой стороны поднимаются двѣ тундры одного имени — Куалда Вуавинчъ; изъ нихъ южная выше. За ними поднимается высокая, но очень отлогая Пульчекъ Вавинчъ. Впереди еще Ангисъ-Варъ или Гапгесъ — гора; съ юга виднѣются, за синной, Чекъ-Вавинчъ; а за нею голубая, въ дымкѣ, Хибини тундры, съ ихъ бѣлыми, свѣжими пятнами на вершинахъ.

Въ трехъ верстахъ отъ конца Пулозеро сильно суживается, такъ что ширина его не превосходитъ полувёрсты. Интересно то, что это суживаніе, начинающееся въ озерѣ, задолго служитъ предвѣстникомъ тѣхъ тѣснинъ, въ которыхъ течетъ рѣка Кола, берущая начало въ Пулозерѣ и впадающая въ слѣдующее Мурдозеро. Здѣсь, при вѣздѣ въ рѣку и въ устьѣ ея, приходится спуститься по небольшимъ, но крутымъ водопадамъ.

Я былъ запятъ своимъ дневникомъ и приведеніемъ въ порядокъ лопарскаго словаря.

—Баринъ, а баринъ, читай молитву!⁴

Я съ недоумѣніемъ поднялъ голову. Лопарь спокойно гребъ. Кругомъ все было совершенно тихо, спокойно. Водная поверхность рѣки совершенно гладкая; песчанья отмели такъ привѣтливо опоясывали лѣсистые берега. Изрѣдка виднѣлись на нихъ стрѣлки розовыхъ луговъ, мѣстамъ густо покрывающихъ песчанья берега.

—А что?⁴

—А вотъ тутъ мало-тка проѣдемъ, такъ какое каменье перво пойдетъ; потомъ тебѣ пахты (скалистые береговые утесы) будутъ. Въ пахтахъ-то больно узко, ну вода и поднялась, да черезъ каменье съ пѣною бѣжитъ; а мѣстомъ однимъ, такъ и совсѣмъ лодеу

подхватить. Дѣйствительно, прошло минутъ десять. Лопарь обратился къ сестрѣ, что-то сказалъ ей по лопски. Она положила весла, намочила руки. Потомъ разстегнула одежду и что-то сказала ему. Братъ тряхнулъ головой, снялъ поярковую шляпу, перекрестился нѣсколько разъ, поплевалъ на руки, и оба они стали усиленно и часто грести.

„Держись за лодку!“ крикнулъ онъ мнѣ.

„Да я и такъ крѣпко сижу“.

„Держись, говорю. Храни Богъ тряхнетъ; всю лодку опрокинешь!“

Я взялся за борта. Дѣйствительно, спереди, справа и слѣва бѣжали намъ на встрѣчу громадныя валуны, торчавшіе изъ воды. Они быстро мелькали по сторонамъ лодки и оставались за нами. Теченіе видимо усиливалось. Поверхность воды стала струистая. Лопари все сильнѣе налегали на весла и гребли уже изо всѣхъ силъ. Вотъ показались впереди два особенно крупныя валуна; по обѣимъ ихъ сторонамъ утесы пахтъ, сжимавшіе русло рѣки въ тѣспинахъ. За камнями водная поверхность, казалось, какъ-то обрывалась и исчезала. Слышалось какое-то рокотаніе.

„Ну, баринъ, смирно держись!“

И съ этими словами Лопарь, какъ-то усиленно зачавтивъ, нѣсколько разъ сильно ударилъ веслами; лодка летѣла, какъ стрѣла, настъ потянуло еще шибче. Вотъ и скалы; онъ ударилъ еще два раза; мы очутились среди большихъ валуповъ. На разстояніи сажени—или полутора, вода била внизъ сплошною струей и кончалась внизу массою рокочущей пѣны; потомъ былъ „отбой“, и опять рѣчка бурливо неслась дальше. Высота этого водопада всего два аршина, но крутизна его могла бы погубить неопытнаго. Разогнавъ сильно лодку, мы только скользнули по водопаду, перелетѣли черезъ полосу возвратнаго отбоя, и быстро обогнувъ торчащій почти противъ прохода струи большой валунъ, понеслись дальше. Первое впечатлѣніе было сильно; но дальше такіе водопадики встрѣчались часто, и на нихъ привыкаешь смотрѣть, какъ на заурядное явленіе.

IV.

Проѣхавъ послѣднее—Мурдозеро и нѣсколько верстъ по Колъ-рѣкѣ, вы достигаете послѣдней передъ Колой станціи—Киць. Это—одна изба, стоящая при слияніи двухъ рѣкъ, образующихъ крупныя водоскаты.

Оттуда приходится сдѣлать большой переходъ пѣшкомъ, болѣе восемнадцати верстъ. На этомъ пути меня заинтересовалъ вопросъ: когда же, наконецъ, кончится лѣсная растительность? Мы шли все дальше и дальше, подвигаясь постоянно на сѣверъ, а между тѣмъ вовсе не было видно признаковъ ослабѣванія лѣсной растительности. Мы находились на широтѣ 68° 30', на горѣ Овечьей Вараки, въ 35 верстахъ къ югу отъ города Кола. Между тѣмъ, не смотря на значительность этой широты (мы были далеко за полярнымъ кругомъ, верстъ на 200 дальше его), не смотря на ту большую высоту, на которой находились (высота Овечьей Вараки 93 сажени), деревья поражали меня своимъ разнообразіемъ и мощностъю. Тутъ были ели, сосны нѣсколькихъ породъ; громадныя березы, рябины, даже осины, которыя, какъ извѣстно, относятся къ разряду тополей (*Populus tremula*). Заинтересованный этимъ предметомъ вообще, а еще потому, что Нѣмцы-географы, означая границу лѣсной растительности для русской Лапландіи, ведутъ ее почти по самому полярному кругу, я занялся измѣреніемъ толщины деревьевъ. Вообще надо замѣтить, что лѣсная растительность здѣсь развита гораздо сильнѣе, чѣмъ мы привыкли себѣ представлять. Такъ на 10 верстъ сѣвернѣе Кола, подъ 69° сѣв. шир., лѣсная растительность поднимается на высоту 250 метровъ (или 820¹). Поэтому привожу здѣсь нѣсколько чиселъ, показывающихъ обхватъ деревьевъ, на высотѣ одного метра (1,4 аршина) отъ поверхности земли. Встрѣчались сосны въ 130, 139, 135, 133, 133, 127, 120, 170, 149, 133, 137 и 155 сантиметровъ въ обхватѣ. И это притомъ числа среднія, то-есть, экземпляры были не нарочно высканы, а брались тѣ, которые ближе къ дорогѣ. И при этомъ находились деревья, обхватъ которыхъ равнялся безъ малаго двумъ съ половиной аршинамъ. Березы были относительно тоньше. Но все-таки вотъ числа—въ сантиметрахъ: 72, 66, 55, 57, 82, 104, 75, 82.

Среднее для сосенъ . . . . . 126,22 sm. (1,8 аршина)

Среднее для березъ . . . . . 74,1 sm. (1 аршинъ),

Значить, мы приходимъ къ тому очень важному выводу, что растительность не ослабѣваетъ на сѣверѣ вслѣдствіе климатическихъ условій. А если и замѣчается мѣстами отощавшая растительность, то этотъ фактъ нужно приписать исключительно тому, что въ этихъ пунктахъ грунтъ чрезвычайно тощій. Дѣйствительно, если въ Маселькѣ ¹⁾

¹⁾ Маселька—станція на берегу Колозера.

и между Кицами и Колой мы видимъ чрезвычайно убогую растительность, то только потому, что въ обоихъ этихъ пунктахъ грунтъ состоитъ изъ сплошной скалы, покрытой только весьма тонкимъ ледниковымъ наносомъ, состоящимъ изъ гранитнаго щебня, толщиной въ четверть или до полу-аршина. Существованіе лѣсной, лиственной растительности въ Кольской губѣ, подъ 69° сѣв. широты, притомъ на высотѣ до 250 метровъ, на горѣ Горѣлая тундра, блистательно подтверждаетъ мою мысль.

Отъ Овечьей Бараки, которая находится почти у самой станціи Кицы, всего верстахъ въ трехъ отъ нея, дорога идетъ сильно подъ гору и проходитъ по очень широкой равнинѣ, въ началѣ поросшей рѣдкимъ сосновымъ и березовымъ лѣсочкомъ; дальше она видоизмѣняется въ жалкое болотце, сильно кочковатое, поросшее богульникомъ, двумя ёрниками и сильно корявыми березышками. По всему болоту блеститъ ржаво-красная вода; удушливый запахъ испареній воды и дурманъ отъ богульника захватываютъ вамъ духъ, и вы спѣшите скорѣе выбраться изъ этой области. Но напрасенъ трудъ: путь длиненъ. Переходъ составляетъ восемнадцать верстъ, и изъ нихъ семь идутъ по самой неприглядной мѣстности.

Изрѣдка видны очень небольшія озера. Изъ нихъ берутъ начало ничтожныя рѣчки, пробивающіяся среди болотистыхъ равнинъ. Мѣстами поднимаются среди болотъ отдѣльные купола скалистыхъ утесовъ, со срѣзанными и круто обточенными, закругленными вершинами. Они разбѣяны по равнинѣ совершенно особняками, и я не замѣтилъ никакой правильности въ ихъ расположеніи. Скучная, чрезвычайно однообразная мѣстность сразу смѣняется на новую. Пройди широкую долину, вы достигаете, наконецъ, противоположнаго берега и поднимаетесь на крутую гору. Здѣсь растительность снова поражаетъ своею силой. Совершенно прямыя, высокоствольныя березы, ивы, рябины, лоуицеры, изъ жимолостевыхъ, все это перемежано съ великолѣпными темно-зелеными слями, образующими у самой земли густой шатеръ сучьевъ. Сосны, можжевельникъ, ёрникъ, папоротники дополняютъ картину. Разрѣзной, тонко-разсѣченный лѣсъ папоротника перемежается своими легкими воздушными формами съ тяжелыми по очертаніямъ листьями лонушика. Вогъ заблѣла масса вѣчно колониальныхъ коряусовъ ¹⁾, и также вѣрнихъ ихъ соговарищѣй—

¹⁾ *Cornus suecica*.

тріенталисовъ (звѣздчатка); ¹⁾ желтые лютики ярко блестятъ въ густо-зеленой листьѣ, точно пессло разбѣжались они по лугу и тамъ игриво переглядываются съ разныхъ концовъ. Вотъ рядомъ двѣ воздушныя эфемерныя красавицы сѣвера съ пѣжно-розовыми цвѣточками—высокая андромеда и ползучая, вьющаяся линеея, съ тонкими пѣжными стрѣлками, песущими всегда только по двѣ розовые колокольчика, задумчиво поникшіе головами. Вотъ и пѣжныя псабудки кокетливо щеголяютъ своимъ небесно-голубымъ цвѣтомъ, и точно какое-то соревновеніе сближаетъ здѣсь эти прелестныя цвѣты. Дальше и дальше вы углубляетесь въ громадный лѣсъ. Узкая тропинка, проложенная здѣсь, своевольно извиваясь, завлекаетъ васъ въ невѣдомую темную глубь лѣсовъ все выше и выше; чище становится воздухъ. Нѣтъ больше удушливыхъ испареній и одурманивающихъ запаховъ. Чистое чудно-голубое небо у васъ надъ головой, прелестная густая листва подъ ногами. Цвѣты щедрою рукой разбросаны по лужайкамъ. А кругомъ! Чудесный сосновый боръ, съ примѣсю крупныхъ березъ, смѣняетъ тотъ подлѣсокъ смѣшаннаго характера, который преобладалъ около болотистой опушки. Это Шонга-варака. Вотъ нѣсколько прихотливыхъ поворотовъ дорожки, ведущей насъ черезъ скалы, вотъ крутые спуски и снова подъемы.. Еще нѣсколько поворотовъ, и вдругъ предъ вами открывается волшебная картина. Тропинка выводитъ васъ къ обрыву крутой скалы. Лѣсъ разступается и предъ вами, далеко внизу, необъятная равнина, по которой тихо, задумчиво катить свои воды широкая, темно-синяя рѣка. Это Кола-рѣка. Эта синяя лента окаймлена широкими рѣзко очерченными берегами, песчаными напосами ярко желтаго цвѣта. На верху, дальше, поднимаются громадныя скалы, на которыя до самаго верху вползаетъ громадный сосновый боръ. Внизу у воды цѣлая кайма ярко зеленыхъ громадныхъ березъ, саженъ по 10 высотой. Среди громаднаго, сосново-еловаго бора ярко блестятъ изрѣдка разбросанныя зеленныя березы. Растительность такъ густа, такъ могущественна, что сочетаніе чудснаго ландшафта и мощной природы переноситъ неволью ваши мысли куда-то далеко, на югъ, на чудные берега южнаго Чернаго моря. Спускаетесь внизъ съ Шонга-вараки, и вотъ—у самыхъ вашихъ ногъ та Кола-рѣка, по которой вы уже раньше ѣхали, и по которой предстоитъ те-

¹⁾ *Tricentalis europaea*.

перь пробхать еще восемнадцать верстъ. Опять пороги, пахты, скалы и подводные, и надводные камни. Опять водоскаты и каскады: мѣстами водопады на берегахъ,—это впадаютъ ручьи, съ прелестною студеною ключевою водою. Кругомъ, и справа, и слѣва, опять граниты и гнейсы; высокія скалы, а на нихъ крупныя хвойныя лѣса. Вотъ, наконецъ, первое жилище цивилизованнаго человѣка. Вы видите избу, скотный дворъ, коровъ, плетни, невода и прочія мелочи, которыя сами по себѣ не составляютъ ничего особеннаго, но когда вы прошли 270 верстъ, не выдавъ ничего подобнаго, а раньше того мѣсяцъ ѣхали по Бѣлому морю, то вы дѣйствительно оцѣните это жилище цивилизованнаго человѣка. Здѣсь вы можете напиться молока и даже взять его про запасъ. Здѣсь, подъ 69° с. ш., вы видите поле-обработанное и засѣянное ячменемъ; вотъ нѣсколько грядъ картофеля, брюквы и рѣпы. Это финляндскій колонистъ Матвѣй. Мѣсто это интересно еще и потому, что здѣсь, въ Колѣ, рѣкѣ, живетъ послѣдній боберъ, сохранившійся до сихъ поръ. Меня только беретъ сомнѣніе, не перпа ли это, зашедшая сюда въ половодье? Еще верстъ семь ѣзды—и конецъ путешествію. Остается пройти пѣшкомъ три версты, и вы въ Колѣ.

Опять сгружаются весь багажъ съ лодокъ, опять дѣлаются ташки и опять гуськомъ ташетъ нашъ караванъ.

Сперва идетъ небольшая поляна, всего на нѣсколько аршинъ возвышающаяся надъ рѣкой; далѣе тропинка вводитъ въ небольшую лѣсъ; затѣмъ поднимаетесь въ гору все круче и круче и идете по поверхности довольно значительнаго плато, совершенно ровнаго. Это возвышенная равнина; только на самомъ концѣ ея вы замѣчаете двѣ-три поднимающіяся на ней горушки, одинаковой формы—совершенно правильныхъ конусовъ. Они составлены изъ массы щебня и песку. Это такъ-называемыя „сахарныя головы“. За ними тотчасъ же, тропинка круто спускается внизъ, въ лоцину, обильно усыпанную валунами всевозможныхъ размѣровъ. Они краснорѣчиво говорятъ вамъ о способѣ образованія и вообще объ главномъ виновникѣ топографическаго строенія этой мѣстности. Снизу вы замѣчаете, что и на „сахарныхъ головахъ“ сидятъ тоже нѣсколько крупныхъ валуновъ; слѣдовательно, онѣ ледниковаго образованія.

Наконецъ, вотъ послѣдній подъемъ, говоритъ вамъ проводникъ. Это Соловарика. Подъемъ на все невысокъ. Вы опять на плато, поверхность котораго кажется вамъ совершенно ровною и гладкою. Только крупныя валуны да лѣсокъ нарушаютъ однообра-

зіе равнины. Но въ дѣйствительности здѣсь существуютъ двѣ глубокія котловины, посреди нихъ—озера. Спускъ, края котловинъ очень круты; форма почти правильная, конусообразная; лѣсъ покрываетъ окрестности ея. Затѣмъ еще одна глубокая поперечная долина прорѣзываетъ Соловараку; она соединяетъ долину рѣки Кола съ долиной Туломы. Мѣстамъ по Соловаракѣ разбросаны небольшіе участки мелкаго березоваго лѣска, поднимающагося не выше двухъ саженъ. Пройдя около полуверсты по Соловаракѣ, вы приходите къ отвѣсному обрыву ея и видите передъ собою, на глубинѣ 80 метровъ (40 саженъ), широкую равнину, мысомъ вдающуюся въ громадное водное пространство. Это сліяніе двухъ рѣкъ Кола и Туломы. При сліяніи ихъ стоитъ городъ Кола. На самомъ дальнемъ, мысу, отъ Соловараки, на концѣ равнины, расположенъ городъ. Спустившись внизъ съ высоты болѣе чѣмъ 40 саженъ, вы видите, что находитесь опять таки на довольно значительной высотѣ; но самый городъ теперь скрывается отъ васъ. Только правѣ, на сѣверо-востокѣ блеститъ высокая бѣлая каменная церковь.

Кола—маленькій торговый или, скорѣе, промышленный городъ. Здѣсь живутъ преимущественно или рыбопромышленники, поморы, китобои, все судохозяева;—нѣкоторые очень богатые (напримѣръ, Ловушкинъ, Хохловъ), или же чиновники. Исправникъ, полицейское правленіе, училище и священникъ съ причтомъ, вотъ все, на чемъ можно остановиться. Маленькій городокъ этотъ раскинулся широко по всему мысу. Всего домовъ около двухъ сотъ. Нѣкоторые вытянуты вдоль Кольской губы, тамъ, гдѣ находится каменная церковь. Это сѣверный конецъ города. На востокѣ, вдоль рѣки Кола, мало домовъ. На западѣ, вдоль очень высокаго, саженъ до восьми, берега, вытянулся большой рядъ построекъ. На самомъ мысу, на песчаномъ берегу, идетъ рядъ амбаровъ, въ которыхъ сложены олени шкуры, рога, рыба въ бочкахъ и боченки съ моченою морошкой. Кольская морошка славится на сѣверѣ. Такъ какъ городъ вытянулся главнымъ образомъ, по двумъ направленіямъ, угломъ, то поэтому здѣсь всего двѣ пересѣкающахся улицы. Лѣтомъ (я былъ здѣсь отъ 2-го до 28-го августа) вы здѣсь почти не видите мужчинъ. Всѣ расходятся на заработки. Судохозяева, еще зимой, или ужъ самую раннюю весной, запасаются рабочими, матросами, зуйками и сотоварищами по промыслу. На лѣто все уходитъ „на Мурманъ“, то-есть, въ Терибергу, на Три острова, Гавриловку и т. д. Тамъ, въ становищахъ, остаются до поздней осени, и въ октябрѣ всѣ собираются домой. Поэтому лѣтомъ Кола—городъ

женскій. Недаромъ, дѣйствительно, мнѣ говорили Лопари, что въ Кола все великаны. Въ самомъ дѣлѣ, Коляне и Колянки—народъ рослый. Это чисто Русскіе, Великороссы; они считаются новгородскими выходцами. Изъ мужчинъ я видѣлъ только стариковъ. Громадные, широкоплечіе, широко-сложенные, коренастые, нѣсколько тяжелые на ходъбѣ: вотъ общій типъ. Женщины такія же;—высокія, плотныя, высокогрудныя, бѣлыя и красивыя лицомъ. Такъ какъ всѣ онѣ зажиточны, то не только изысканно одѣваются, но и носятъ золотыя украшенія, отдѣланныя мѣстнымъ жемчугомъ.

„Что, батюшка, каковъ нашъ городъ?“ спрашивалъ меня вечеромъ мѣстный исправникъ, добродушный старикъ, очень радушно принявшій насъ.

„Да, по правдѣ вамъ сказать, городишко дрянной, скучный, маленький. Голо все кругомъ. Хоть бы одно деревцо“.

„Вотъ это правда. Да, нѣтъ, вотъ, возьмите что. Говорятъ Повѣнецъ—свѣту конецъ. А Кола-то куда за Повѣнецъ ушла! Вѣдь то возьмите въ расчетъ, сообщеній никакихъ нѣтъ. Ну, хорошо—вы, человекъ молодой! А вотъ кому старику служащему надо ѣхать. Только и есть что пароходъ на Архангельскъ. Да вѣдь и это, если лѣто, да если морянки нѣтъ. А другая дорога вотъ „трактъ“, которымъ вы шли. Шутка ли восемнадцать верстъ пѣшкомъ. А если распутица, или дожди, напримѣръ. Вѣдь нѣтъ пути. А зимой вьюга, пурга—иди пѣшкомъ, да носи еще, что придется. Народъ-то простой жалѣешь; а самому и не въ моготу“.

На другой день, рано утромъ, мы по предложенію исправника отправились на охоту на рѣку Тулому. Выѣхали мы втроемъ изъ Колы. У насъ было два хорошихъ гребца, Финляндца. Приливъ только что начинался, такъ что мы собрались во время. Обогнувъ низкій каменистый мысъ, выдающійся отъ крайнихъ амбаровъ, какъ разъ у того мѣста, гдѣ Кола рѣка сливается съ Туломою и образуетъ Кольскую губу, мы въѣхали въ рѣку Тулому. Теченіе сталкивалось здѣсь съ направшею морскою приливною волной, и вода кружилась, тихо журча и образуя на поверхности зеркально-блестящія выпуклныя. Съ лѣвой стороны тянулся высокій берегъ, на которомъ цѣлымъ рядомъ вытянулись дома Колы. Этотъ песчаный берегъ почти отвѣсно поднимается на шесть сажень. Затѣмъ берегъ съ лѣвой стороны (правый берегъ) далеко отступаетъ отъ главнаго русла, образуя широкую бухту. Лѣвый же берегъ тянется почти прямо, образуя только небольшія излучины. Здѣсь, въ широкомъ разливѣ Туломы, помѣстился ма-

ленькій Татарскій островокъ. Онъ интересенъ въ томъ отношеніи, что состоитъ весь изъ напоснаго, мелкаго, сыпучаго песку, образующаго среднюю его часть въ формѣ высокаго конуса. Кругомъ него совершенно правильнымъ кольцомъ, расположилась масса крупныхъ валуновъ, мѣстами въ одинъ, а гдѣ—и въ два ряда. Съ нимъ связаны преданія. Говорятъ, онъ прежде былъ довольно большимъ островомъ; такъ что на немъ хоронили Лопарей, Кореловъ, Чухонъ и „всякую нечисть“, какъ объяснялъ мнѣ одинъ старшій рыбакъ. По этому-то этотъ островъ и получилъ названіе Татарскаго. Затѣмъ на немъ хоронили утопленниковъ, самоубійць и преступниковъ. Поэтому теперь, при разрушеніи островка, дѣйствительно, не трудно отыскать ту или другую кость отъ человѣческаго скелета. Я, напримѣръ, нашелъ здѣсь хорошо сохранившійся черепъ и бедрающую кость. Теперь островокъ имѣетъ форму сахарной головы, окруженной точно заборомъ изъ большихъ каменьевъ. По откосамъ, мѣстами, здѣсь берега его поросли *Elymus agerarius*. Дальше, тянется большой и высокій островъ, носящій названіе Нѣмецкаго. Онъ также сложенъ, главнымъ образомъ, изъ песку и также находится въ періодѣ сильнаго разрушенія.

Съ правой стороны, на лѣвомъ берегу Туломы, начали одна за другой обрисовываться ярко-красныя пахты, береговныя, отвѣсныя скалы. Выше ихъ поднимается очень крупный сосновый и еловый лѣсъ; нѣкоторыя ели достигаютъ здѣсь высоты въ 12—13 сажень. Къ главнымъ хвойнымъ породамъ въ значительномъ количествѣ примѣшиваются ивы на берегу, затѣмъ большія березы, осины, мѣстами образующія цѣлыя рощи, рябины, можжевельникъ; и проч.

Верстѣ семь приходится ѣхать по Туломѣ совершенно прямо; теченіе обратное, образовавшееся отъ приливной волны, такъ-называемый боръ, видимо несло насъ вверхъ. Быстро подвигались мы впередъ. Вотъ съ лѣвой стороны высоко поднимается отдѣльнымъ куполомъ стоящая Караульная варака. Сначала внизу она поросла лѣсомъ; дальше вертикально вверхъ поднимаются отвѣсныя сѣрыя скалы, мѣстами сильно изрытыя трещинами, въ которыхъ какимъ-то чудомъ пріютилось нѣсколько корявыхъ березокъ и сосенокъ. Самая вершина слабо зеленѣетъ. Очевидно,—тамъ владычествуютъ мхи и лишай, да развѣ еще кустарниковые ёрники да ворошица поддерживаютъ славу древесной растительности. Эта варака поднимается на высоту около двадцати сажень. Надъ вершиной ея мѣрно кружатъ три сарыча (*Archibuteo*), держась все время на равныхъ разстояніяхъ другъ отъ

друга и послѣдовательно то исчезая, то снова появляясь изъ-за остраго угла колоннообразнаго утеса Караульной варачи.

Вотъ съ правой стороны еще выше поднимается живописная Соколиная варача; въ нѣсколько ярусовъ, утесами поднялась она къ небу, и точно какой-нибудь средневѣковой, феодальный замокъ рисуется на немъ своими одиноко стоящими громадами.

„Смотрите-ка, здѣсь вотъ, мы теперь совершенно спокойно проѣзжаемъ. Вамъ и въ голову не придетъ, что тутъ внизу, подъ этою высокою водою, сильнѣйшій и крутой порогъ.“

„Да неужели же приливъ хватаетъ такъ далеко? Вѣдь мы отъ Колы отѣхали верстъ на восемь? Да къ тому же Кольская губа еще 60 верстъ длины; значитъ, сколько надо приливу, чтобъ и до Колы добраться“.

„Придетъ хорошая волна, такъ приливъ за восемьдесятъ верстъ отъ моря воду подыметъ. Да еще, видите ли, въ чемъ дѣло. Здѣсь на Туломѣ пять большихъ пороговъ. Вотъ этотъ, на первомъ поворотѣ отъ Колы направо, первый и самый большой. Послѣдній, пятый, до котораго можно еще доѣхать верстъ за тридцать отсюда, и въ немъ все-таки еще вода поднимается, такъ что до половины его можно на лодкѣ въ половодье проѣхать“.

Дѣйствительно, мы круто завернули направо, вѣхали въ какую-то излучину и, обогнувъ высокую столовую гору, опять повернули на лѣво, и предъ нами открылась широкая рѣка, съ блестящими, песчаными берегами. Здѣсь рѣка, встрѣчая препятствіе въ камняхъ пороговъ и въ крутомъ заворотѣ, сильно разливается въ ширину и скорѣе похожа на озеро, нежели на рѣку.

Мы быстро подыгались впередъ, и виды смѣнялись одинъ за другимъ. Мое вниманіе было обращено на какіе-то кружки, матово-желтыхъ плеснокъ, которые, медленно вращаясь, тихо плыли по самой поверхности воды.

„Что это, не знаете ли?“

„Да часто я видалъ эти круги. А въ толкъ взять не могу! Я думаю—рыба какая-нибудь шкурку теряетъ“.

Я внимательно разсматривалъ эти тѣльца, быстро проплывавшія мимо насъ, но ничего не могъ объяснить себѣ. Наконецъ, взявъ одинъ кружокъ на ладонь и тщательно разобравъ его, я убѣдился, что это ничто иное, какъ пловучій песокъ. Дѣйствительно это былъ цѣлый рядъ сцѣпившихся песчинокъ, образовавшихъ сѣтку. Я такъ объяснилъ себѣ это плаваніе кварцевыхъ зеренъ. Сухой песокъ

лежитъ на берегахъ пороговъ. Онъ совершенно пересыхаетъ на солищѣ, и возможно даже, что онъ перекачивается. Каждая песчинка окружена воздухомъ. Приливноя вода, сталкиваясь съ теченіемъ, какъ стѣна со стѣной, первоначально напоромъ своимъ производитъ только вертикальное поднятіе. Поэтому вода сама осторожно приподнимаетъ верхній слой песку, который, не смачиваясь, плаваешь поверху.

Проѣхали мы и второй порогъ, и предъ нами открывается прекрасный песчаный островокъ весь въ зелени. Это Матрешкинъ островъ. Какая дивная растительность. Въ серединѣ густыя заросли ивы, около нихъ таволга, *Spiraea ulmaria*, болѣе сажени высоты; вся она завита и густо запутана виной и какимъ-то *Laryngus*; рядомъ, на песчаной площадкѣ густыя кусты краснаго чертополоху (*Cirsium*), болѣе сажени высотой; какъ бы въ подлѣсокъ ему кругомъ стоитъ двухъ-аршинный тысячелистникъ (*Achillea millefolium*). Кругомъ по сторонамъ луговая ервань, какіе-то неизвѣстные мнѣ ярко-голубыя цвѣты.

„Утки, утки!“ толкнулъ меня осторожно спутникъ.

Мы быстро перебрались опять въ лодку и огибали мысокъ, надѣясь остаться не замѣченными. И дѣйствительно, утки подпустили насъ близко, но хотя мы стрѣляли старательно, ни одной не убили. Это были нырки: они такъ осторожны, что при первомъ движеніи охотника ныряютъ и остаются очень долго подъ водой.

Все это, конечно, насъ сильно раздосадовало. Мы видѣли очень близко передъ собою дичь, на разстояніи хорошаго ружейнаго выстрѣла, но ни одной не было у насъ въ лодкѣ; разстояніе тоже не уменьшалось, потому что хотя мы и гнались за утками, но опѣ, ныряя, равномерно удалялись отъ насъ. Такимъ образомъ, онѣ какъ бы завлекали насъ все дальше и дальше. Наконецъ, пара молодыхъ лежала у насъ въ лодкѣ. Далеко впереди передъ нами, среди блестящей зеркальной поверхности воды, чернѣли крупныя камни, очевидно громадные валуны. Стрѣляя, прицѣливаясь нѣсколько разъ въ томъ направленіи, я нѣсколько разъ ясно видѣлъ эти черныя массы. Запятые утками, мы совершенно незамѣтно для самихъ себя приблизились къ нимъ. Гонясь за раненымъ молодымъ селезнемъ, мы подлѣзали все ближе и ближе. И мнѣ уже приходило въ голову, какъ бы, проѣзжая черезъ эти пороги, заторопившись, сторича не опрокинуть лодки. Вдругъ, шагахъ въ сорока отъ меня, въ моихъ глазахъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ камней внезапно исчезъ

подъ водой. Пораженный такимъ небывалымъ обстоятельствомъ, я пристально всматривался въ дальнѣйшіе камни и замѣтилъ и въ нихъ начинающееся движеніе. Они, послѣдовательно, въ томъ порядкѣ, какъ были удалены отъ насъ, начинали всплывать на поверхность и затѣмъ ныряли. При этомъ не ясно обозначалось массивное неуклюжее тѣло и маленькая круглая тюленья голова. Это, очевидно, были громадныя морскія животныя, изъ млекопитающихъ, конечно. Дѣйствительно, какъ оказалось потомъ, это были нерпы.

Нерпы, или морскіе зайцы, какъ ихъ зовутъ въ Кандалакшѣ и вообще по Бѣломорью, принадлежатъ къ роду очень близкому къ тюленьямъ. Они неуклюжи въ мелководьяхъ, но замѣчательно ловкіе пловцы въ морѣ. За ними сильно охотятся по Бѣлому морю; способъ охоты весьма трудный; надо изъ винтовки пулей попасть въ эту маленькую голову, которая такъ не надолго показывается надъ водой. Стрѣлять приходится съ лодки, и потому промахи очень часты.

Когда мы на другой день ѣхали обратно, нерпы спустились уже гораздо ниже, ко второму порогу, около Матренкина острова. Въ очень широкомъ разливѣ рѣки онѣ помѣстились на весьма отлогомъ песчаномъ берегу и лежали на боку, на глубинѣ полуаршина, такъ раздувъ свое тѣло, что ихъ можно было принять за громадныхъ быковъ; онѣ видимо нѣжились на солнцѣ. При нашемъ приближеніи, нерпы выпускали задержанный воздухъ, такъ что тѣло ихъ сразу спадало втрое, по величинѣ, и очень ловкимъ ударомъ лапы, онѣ спрыгивали въ болѣе глубокую воду.

Одна изъ нерпъ близко проплыла мимо нашей лодки; можно было разобрать совершенно голое тѣло, покрытое толстою крупнопористою кожей, аспидно-сѣраго цвѣта. Голова, такого же почти чернаго цвѣта, очень небольшая, съ круглымъ, весьма покатымъ лбомъ и очень маленькими блестяще-черными глазами. Затѣмъ мелькнулъ одинъ разъ очень узкій носъ, съ небольшими сближенными и впередъ направленными ноздрями. Все это было некрасиво, но оригинально. И какъ съ этимъ не гармонировало громадное неуклюжее тѣло.

Быстро, одна за другою, ныряли нерпы, саѣша удалиться въ ту сторону, откуда мы пріѣхали. Онѣ мелькнули еще разъ, два невдалекѣ отъ лодки; каждый разъ, показываясь надъ водой, сильно фыркали и, дохнувъ нѣсколько разъ, снова ныряли. Наконецъ и послѣднія, оставшія изъ нихъ, стали тоже не видимы.

Мы постепенно подвигались впередъ, и мимо насъ мелькали все

тѣ же сѣрья или красныя пахты, съ правой стороны; онѣ, большею частію, состояли изъ выходовъ гранитовъ и гнейсовъ, и только въ одномъ мѣстѣ гнейсъ, слѣвавшись сильно мелкозернистымъ, съ обильными пропластками черной слюды, носить вполнѣ характеръ слюдянаго сланца. Съ правой стороны, слѣдовательно, тянулся каменистый берегъ; съ лѣвой начали сильно возрастать въ вышину песчаные берега. Мѣстами, надъ обрывомъ песку, высотой въ двѣ, три сажени, зеленѣла чудесная луговина, съ сочною яркою травой, часто составленною изъ преобладающихъ подмаренниковъ, бѣлаго клевера, звѣздчатокъ, впки, полеваго горошка и массы ползучихъ мотыльковыхъ. Чудесныя мѣста, съ прекраснымъ кормомъ; это было бы золотымъ дномъ для устройства здѣсь пастбища.

„Вы какъ думаете про нерпъ?“

„Вѣдь онѣ должны были перебраться черезъ пороги. Какова должна быть вода, чтобъ этакія махины перевалили. А вѣдь въ малую воду на порогахъ ревь и стонъ стоять. Ни за что не проѣхать!“

„Да видите ли, вѣдь вотъ въ отчетахъ у насъ, въ печатныхъ, сказано, что въ Колѣ приливъ поднимается на шесть футъ. Это выходитъ меньше сажени. Такъ какже это такъ? Въ двадцати верстахъ отъ Колы, въ порогѣ, поднимается вода и закрываетъ порогъ. Мѣстами здѣсь бьютъ ясныя каскадики въ одинъ футъ и больше. Два, три такихъ маленькихъ порожка, вотъ вамъ и посажени долой. А приливу надо еще поднять воду на протяженіи двадцати верстъ. Вѣдь если рѣка течетъ на этихъ двадцати верстахъ, слѣдовательно, она имѣетъ паденіе? А первый-то порогъ,—вѣдь онъ самый большой,—онъ падаетъ на четыре слишкомъ фута. Значить, по моему разчету выходитъ, что еслибы приливъ имѣлъ высоту только одной сажени, то былъ бы задержанъ уже первымъ порогомъ и дальше бы не пошелъ“.

„Нѣтъ! Судя по тѣмъ громаднымъ валунамъ, по которымъ въ половодье свободно проѣзжаешь въ карбасѣ и потомъ видишь ихъ на сажень поднимающимися на совершенно обсохшемъ берегу, я думаю, что высота его никакъ не меньше 12—15 футовъ“.

„Вѣдь есть мѣста на Мурманскомъ берегу, гдѣ приливъ поднимается на 21—22'. Этимъ же высокимъ приливомъ объясняется прохожденіе семги въ громадномъ количествѣ въ рѣки, не смотря на бурные, пѣнящіеся пороги“.

„Вотъ я вамъ разкажу; тутъ происходитъ удивительное измѣненіе. Идетъ семга обыкновенно толпой, большою стаей; она въ это

время тупорылая. Идетъ она метать икру. Тутъ она вскорѣ слинаетъ, такъ что станетъ гладкая, прегладкая. Это онѣ свадьбы играютъ. Зовутъ ее тогда „гольдомъ“. Пройдетъ много времени, и все она въ рѣкѣ живетъ. За это время носъ у нея крючкомъ наростать начинаетъ, такъ что внизъ, какъ ястребинный клювъ, загибается. Тогда ее зовутъ „вальчакъ“. Съ этимъ крючковатымъ носомъ семга и въ море уходитъ. И только она попробуетъ соленой воды—увѣряютъ поморы— у нея чрезъ педѣлю или двѣ, тотчасъ же по прежнему тупорылый носъ выростетъ“.

Проѣхавъ узкимъ проливомъ, среди водныхъ лилій и узкихъ острововъ, тянущихся вдоль берега, мы вышли на лѣвый берегъ. На самомъ берегу прелестныя, высокія ветлы цѣлымъ рядомъ свѣшивали свои вѣтви надъ водой, точно протягивая руки за бѣлыми кувшинками. Онѣ бросали темную тѣнь на узкіе проливы острововъ, и тѣмъ ярче и эффектнѣе выдѣлялось на темномъ фонѣ зеленое отраженіе лугового склона берега, ярко залитаго солнцемъ. Поднявшись на берегъ, мы увидали совершенно ровную луговину, покрытую сочною густою травой. Масса вики, горошка, подмаренника (*Galium uliginosum*), колокольчиковъ, бѣлыхъ звѣздчатокъ, луговой ерани, золотыхъ лютиковъ, бѣлаго клевера. Все это придавало такой живой характеръ растительности, что по неволѣ вспоминалось то впечатлѣніе унылости, которое производила болѣе южная растительность Масельки, Капдалакши и даже повѣнецкихъ окрестностей. Въ послѣдней мѣстности, напримѣръ, сильно преобладали морошка, мамура или полиника, майникъ или соль, иванъ-чай (*Epilobium angustifolium*). Всѣ эти растенія цѣлыми зарослями, широкою и длинною вереницей тянулись вдоль дороги отъ Повѣнца до Телекина. Очевидно, что главное значеніе для характера растительности имѣетъ никакъ не та малая разница температуры, которая существуетъ во взятыхъ мѣстностяхъ, а главнымъ образомъ плодородіе и характеръ грунта.

На Туломѣ, острова и берегъ, на которомъ мы находились, были очевидно намываго образованія. Состоятъ они изъ массы песку и глины, вѣроятно, съ значительною примѣсью извести, вообще изъ продуктовъ окончательнаго разрушенія гранитовъ, гнейсовъ и слюдяныхъ и глинистыхъ сланцевъ. Какъ плодородны глинистые сланцы, знаетъ всякій, гулявшій по крымскимъ виноградникамъ и внимательно присматривавшійся къ почвѣ. Тамъ нѣтъ растительнаго слоя даже на 1 миллиметръ толщины, а прямо въ щель глинистаго сланца сидятъ лозы винограда или табакъ.

Объяснять, далѣе, улучшение растительности на Туломѣ, дѣйствіемъ гольфстрема, проходящаго около Рыбачьяго полуострова черезъ Ледовитый океанъ, нѣтъ никакого основанія, потому что, переходя сѣвернѣе, то-есть ближе къ гольфстрему, на полосу гранитовъ и гнейсовъ, мы видимъ опять ослабленіе растительности, какъ наприимѣръ, на голыхъ скалахъ ледниковаго поля, къ сѣверу отъ Колы.

Довольно долго бродили мы по кустарнику, покрывающему эти наносные острова. Но ничего не попадалось намъ такого, что могло бы привлечь вниманіе охотника. Вотъ пронесся надъ головой ястребъ, плавно паря въ воздухѣ, неподвижно расправивъ свои длинныя, острия крылья. Пролетѣла небольшая стая утокъ, которыя, какъ нарочно, заманивали насъ опять въ лодку.

Проѣхавъ еще нѣсколько времени въ лодкѣ, миновавъ довольно большіе острова, сильно стѣсняющіе главный рукавъ Туломы, мы выбрались наконецъ на широкой разливъ рѣки, гдѣ крупныя валуны ясно обозначали новыя пороги.

По лѣвой рукѣ здѣсь приходится Харитоновъ островъ; высокій берегъ поднимается сажени на три. На самомъ берегу растутъ осины, березы, рябины, ольха и ивнякъ. Онѣ такъ тѣсно перенутаны, что образуютъ сплошныя заросли. Берегъ сильно кочковатый, мелко-холмистый. Среди густой травы, сквозь которую едва продираешь ноги, все время копошились и сновали какіе-то маленькіе звѣрьки. Иногда мелькнетъ рыжеватая спинка, быстро юркнетъ подъ погами и скроется въ норкѣ. Это пеструшки (*Myodes torquatus*) или иначе — лемминги. Это тѣ знаменитыя полески, которыя въ несмѣтномъ количествѣ совершаютъ свои перселенія изъ одной мѣстности въ другую. Притаются онѣ въ травѣ и сидятъ спокойно. Подходите вы — и вдругъ изъ подъ самыхъ погъ, съ пискомъ и визгомъ рассыпаются онѣ въ разныя стороны. Всѣ холмики насквозь проточены ихъ норками и ходами, и потому мнѣ не разъ приходилось оступаться, проваливаясь на четверть аршина въ разрыхленную землю. Засядутъ онѣ въ норкахъ, и ни минуты не просидятъ тихо спокойно. Вотъ ужъ и высунулась темная мордочка, съ тупымъ носомъ, длинными усами и чернымъ, какъ смоль, точно бархатнымъ воротникомъ. На круглой головѣ ихъ сидятъ круглыя же, точно обрѣзанныя уши. Черные, блестящіе, живые глаза, сильно выпуклые, придаютъ особенно игривый характеръ ихъ фizioноміи. Тѣло рыжевато-бураго цвѣта, на верхней сторонѣ несетъ темную, мѣстами черную, полосу; окапчивается оно короткимъ хвостомъ.

Это прелестные звѣрьки. Живые, подвижные какъ ртуть, они въ мгновеніи не могутъ пробить спокойно и молча. На свободѣ постоянно въ оживленіи, они снуютъ взадъ и впередъ; прячутся, черезъ мгновеніе выскакиваютъ; пискъ, визгъ, шорохъ травы отъ тысячи шуршащихъ ногъ, скачки на воздухъ, мельканіе красивыхъ спиннокъ съ бархатными воротниками, оскалившіеся большіе бѣлые зубы рѣзцы, черные глаза, плутовато смотрящіе на васъ изъ норки, точно дразнить—вотъ пестрое впечатлѣніе, вынесенное отъ этой, кипящей жизнью, колоніи пеструшекъ.

Но неводи онѣ не переносятъ. Два, три дня, небольше способны они провести въ клѣткѣ. Тоскливое молчаніе, точно сознательная грусть, смѣняется порывами свирѣпой ярости. Они разламываютъ и разгибаютъ толстые прутья рѣшетки и выбираются на волю. Въ противномъ случаѣ гибнутъ на третій или четвертый день.

Мы прошивали все дальше въ глубь острова. Мѣстность слегка волнистая и замѣчательно разнообразная по растительности. Около берега я увидѣлъ довольно большіе кусты, покрытые ярко-красными ягодами. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ: это была совершенно сѣлая, красная смородина. На 68° сѣв. шир., 9-го августа, сѣлая красная смородина! По вкусу она ничѣмъ не отличается отъ нашей, обыкновенной. Захвативъ съ собою нѣсколько вѣтокъ ея для гербарія, какъ рѣдкость, мы двинулись дальше. Въ верстѣ отъ описанной мѣстности расположена небольшая лопарская деревушка. На противоположномъ берегу, среди скалъ, есть нежа, или просто шалашь, въ которомъ мы и провели ночь. Здѣсь во время почевки исправникъ разказалъ мнѣ слѣдующее:

„Привелось мнѣ какъ-то быть въ Йолѣ (парусной лодкѣ) на морѣ. Поднялась буря. Дѣло было за Кильдинымъ. На наше счастье: были мы недалеко отъ берега, морянка ударила страшная; стали мы присматриваться, нѣтъ ли хоть какой бухточки. На наше счастье удалось выбраться. Богъ помогъ! Вышли мы на берегъ. Стоитъ на голыхъ камняхъ крестъ. Камни навалены. Кругомъ бунуетъ буря, реветъ море, холодъ — страсть! Развели мы огонь, а я пошелъ съ ружьемъ въ сторону. Вижу: лежитъ прекраснѣйшая шиферная плита. Такъ и просится на столъ. Я позвалъ молодцовъ, приказалъ взять и отнести на берегъ. Въ шестеромъ подняли ее, сняли, а подъ нею человѣческой скелетъ, громаднѣйшій. Мы такъ и оторопѣли. Потомъ накрыли опять плитой, да такъ и не знаемъ, гдѣ это мѣсто точно было“.

На другой день, дождавшись прилива, въ половинѣ его, когда была высшая вода, мы повернули обратно и начали спускаться. Вода была на столько высока, что мы отлично прошли два порога. Опять видѣли множество утокъ, нерпъ. Поднялись на берегъ и нѣсколько углубились въ лѣсъ, охотясь за тетеревами. Но это намъ сильно повредило. Время прошло незамѣтно, и когда мы, нагруженные дичью, спустились къ лодкѣ, она была совершенно на сушѣ. Вода сильно спала, и пришлось торопиться, чтобъ еще воспользоваться „водой“ (то-есть, отливомъ). Конечно, отливъ намъ очень помогаль въ быстротѣ нашего движенія, но когда мы подъѣхали къ послѣдней излучинѣ Туломы, не доѣзжая Коли въ 7 верстахъ, то на поворотѣ намъ открылся бурный порогъ, ревущій и пѣнящійся, выставившій, на протяженіи сажень десяти, громадныя, полусаженныя и саженныя валуны; не оставалось ничего иного, какъ очертя голову спуститься на лодкѣ по порогу. Въ серединѣ мы налетѣли на валунъ, и насъ раза три чуть не опрокинуло, но лодка вертѣлась на мели, а теченіе подхватывало и сбрасывало ниже. . . .

Изъ Коли выѣхали мы на большомъ пароходѣ „Архангельскъ“ въ городъ того же имени. Наступили сильныя вѣтры. 22-го августа шель въ Колѣ первый снѣгъ. Не смотря на позднюю осень, было еще такъ свѣтло, что въ 10 часовъ вечера можно было, безъ свѣчи, читать у окна.

Съ сожалѣніемъ разставался я съ Кольскимъ полуостровомъ, гдѣ нашелъ такъ много, хотя и суровыхъ, но величественныхъ красотъ природы. Мѣстность, вполнѣ безлюдная, дикая, гдѣ пришлось вынести столько матеріальныхъ лишеній, невзгодъ и полное отсутствіе самаго необходимаго комфорта, — она стала мнѣ привлекательною. Какой-то поэтическій оттѣнокъ тотчасъ же ложился на прошедшее, на пережитое.

Въ черную, мрачную ночь пароходъ нашъ быстро разсѣкалъ волны Ледовитаго океана. Въ сторонѣ, на небѣ, фосфорическими огнями играли завѣса и столбы сѣвернаго сіянія. А изъ-подъ руля и винта съ трескомъ сыпались бриліантовыя звѣзды и, крутясь, выносились крупныя колеса, напоминая кружащихся медузъ. Чуднымъ, изумруднымъ, слабо-фіолетовымъ, электрическимъ свѣтомъ мѣстами загоралась вода, снизу, изнутри освѣщаемая этимъ волшебнымъ свѣтомъ. Съ трескомъ лопались новыя колеса, кружились и рассыпались на тысячу искръ, освѣщая воду и постепенно теряясь въ темнотѣ холодной изумрудной глубы. Быстро пронеслись мы

мимо голаго, непригляднаго Мурманскаго берега. Высокій Кильдинъ островъ, потомъ Гавриловка, Териберка, Три острова, потомъ Бѣлое Море, наконецъ и Архангельскъ.

Изъ Архангельска я отдѣлился отъ спутниковъ и поднялся по Сѣверной Двинѣ до Березной, верстъ около 300. Это плаваніе медленное, однообразное, скучное. Но кто способенъ заинтересоваться окружающею природою, смысломъ измѣняющихся ландшафтовъ, тому и здѣсь, при бѣгломъ осмотрѣ, можно найти свой интересъ. Сначала идутъ низкіе песчаные берега, переметы; потомъ берега сильно поднимаются и переходятъ въ высокіе, гипсовые—голубые, покрытые чудесными лиственничными лѣсами. Ель, пихта и лиственница здѣсь преобладаютъ. Высокій, голубой берегъ изрытъ гротами и пещерами, подземными ходами, изъ которыхъ въ изобиліи вытекаютъ минеральные источники. Цѣлая жизнь, цѣлая ясная исторія жизни земли вложена въ пѣмныя уста этихъ мертвыхъ камней и утесовъ.

Изъ Березной вы ѣдете на почтовыхъ черезъ Шенкурскъ на Вологду; но при этомъ изъ шести сотъ верстъ около семидесяти приходится ѣхать по ужасно тряской гати. Гать эта разбита на два участка, оба вблизи Вологды. Изъ Вологды по желѣзной дорогѣ—на Ярославль; потомъ на пароходѣ въ Рыбинскъ и по Рыбинско-Бологовской, желѣзной дорогѣ а оттуда на Николаевскую. 10-го сентября я былъ уже въ Петербургѣ, оцѣнивъ впервые вполне родной вровъ и свой кругъ сроднившихся людей ¹⁾.

Ш. Кудрявцовъ.

---

¹⁾ Интересующіеся научными результатами этой поѣздки найдутъ полный отчетъ автора въ *Трудахъ С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей*, 1883 года, томъ XIV, выпускъ первый.